

**Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д.И.Гулиа**

**Абхазия и абхазы
в российской периодике
(XIX – нач. XX вв.)**

КНИГА II

Составители: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.

**Сухум
2008**

в присутствии местного участкового начальника г.Горчакова убедил всех абхазцев принять участие в деле помощи пострадавшему от неурожая населению; жители отнеслись к этому благому делу с таким же сердечным сочувствием, как и их земляки в Гудаутском участке, и постановили также вследствие отсутствия у большинства жителей денежных средств, пожертвовать кукурузу с каждого дыма крестьян по два пуда, а с дыма дворян и князей по пяти пудов и свыше, по состоянию и всю кукурузу собрать в м.Очемчиры к 15-му декабря в распоряжение начальника участка.

Один из принадлежавших к жителям Кодорского участка, князь Георгий Шервашидзе, пожертвовал сто пудов кукурузы, которая доставлена в Очемчиры.

Газ. «Кавказ».
1891, №330

Поездка в Цебельду (Путевые заметки и впечатления)

В 11 часов ночи пароход наш остановился на сухумском рейде, довольно далеко от берега. Пристани, к которой могли бы причаливать пароходы, не имеется. Нагружаются и выгружаются пароходы на каюки, точно дельфины, снующие вокруг судна, в ожидании очереди подойти под трап. Нечего говорить, что такой способ нагрузки и выгрузки представляет громадные неудобства, как для пассажиров, так и для грузоотправителей. Неудобства эти, от которых больше всего страдают, конечно, сами сухумцы, объясняются мелководьем бухты. Не знаю, можно ли устранить эти неудобства, но сухумцы, кажется, пока мало об этом заботятся и утешают себя тем, что со временем (надо полагать в очень отдаленном будущем) бухта углубится стараниями самой природы, без всяких дорого стоящих инженерных мероприятий. Замечено, что берег бухты все более и более уступает место жадной всепоглощающей стихии. Явление это, подмеченное даже простыми наблюдениями местных старожилов, подтверждается, как мне говорили и серьезными исследованиями. Так, один ученый-водолаз, опустившись на дно бухты, утверждает, что там уцелели явные следы солидных каменных сооружений, свидетельствующие, что бывший когда-то берег, а теперь – дно бухты, был застроен и служил местом расположения древней-

шего и значительного приморского города. Но постепенное поднятие уровня моря у восточных берегов его давно уже скрыло под водою, памятника отдаленной эпохи колонизации этого побережья венецианцами, византийцами, быть может, еще более древними народами.

Дальнейшие изыскания морского дна в бухте, по всей вероятности, разъяснят, почему ни в нынешнем Сухуме, ни в окрестностях его, по всему берегу бухты, не сохранилось ни одного памятника древних построек, тогда как в некотором отдалении от берега и города, в горах, следы их разбросаны в большом числе.

Сухум с Абхазией, или вернее, Абхазия с Сухумом были включены в пределы Российской империи в 1809 году, когда владетель Абхазии, Сафар-бей Шервашидзе, – потеряв надежду прекратить давно существовавшие между членами владетельного дома раздоры и не доверяя более беспристрастному вмешательству турецкого правительства, которое могло бы водворить прочный порядок в стране, по совету соседей своих, князей Дадианов Мингрельских, обратился к императору Александру I с просьбой принять Абхазию в подданство России. Последствием этой просьбы было занятие Сухума русскими войсками в 1810 году. С этого времени Сухум фактически считается русским городом.

Такое приобретение, по-видимому, без труда и хлопот доставшееся, однако стоило России слишком дорого. Немало было потрачено денег как на неизбежные в таких случаях ренты, подарки, пособия влиятельным в крае людям, так и на дорого стоившее содержание войск. Но еще больше заплатила Россия за Сухум человеческими жертвами. Не говоря уже о потоках крови, пролитой русскими войсками, то защищавшими, то вновь отбивавшими у осилившего врага это приобретение, – в низменных долинах Абхазского побережья, непривычные к климатическим условиям солдатика наши безответно сотнями гибли от царившего там, особенно в Сухуме, страшного бича – болотной лихорадки.

В продолжение 80-летней жизни своей под покровительством нашего правительства Сухум не раз переходил из власти русских в руки турок и непокорных горцев, и каждый раз подвергался неизбежным последствиям войны – разрушению и опустошению. Несмотря на такие, более чем неблагоприятные условия, он все-таки живет и, если не развился до степени большого приморского города, все же отстоял свою самостоятельность, и в данное время, не ожидая скорых благ, выглядит веселеньким и красивым городком, при-

влекающим ежегодно, на зимние месяцы, немало грудных больных для пользования мягким, теплым климатом.

Как ни странно кажется, что в город, пользовавшийся, да и ныне не освободившийся от репутации рассадника злокачественных лихорадок, приезжают лечиться «климатом», но это – факт. Достаточные люди, преимущественно из России, не перестают не только наезжать сюда для лечения, но и строиться на отводимых администрацией, так называемых, санитарных участках в окрестностях города. Объяснение этой странности надо отнести к оздоровлению местности, благодаря неустанным попечениям и заботам местного начальства. Старожилы говорят, что в гигиеническом отношении за последние 10-15 лет Сухум узнать нельзя. Канализация и осушение болот, изобилующих к северу от города, в долине, лишенной природного стока в море, сделали свое дело и без сомнения в скором будущем совершенно освободят этот прелестный уголок от ужасного зла, много вредившего и развитию города. Сухум привольно, широко раскинулся по берегу моря, в глубине бухты. После покорения Западного Кавказа и подавления последнего восстания в Абхазии, когда сухумцев перестали тревожить набеги и нападения беспокойных и непокорных горцев, выселенных в Турцию в 1867 году, Сухум начал быстро обстраиваться и приводиться стараниями генерала Геймана к виду вполне благоустроенного города. Появились хорошие постройки, пробились широкие, шоссированные улицы, которые обсаживались редкими в Закавказье деревьями. Вдоль красивых беленьких домиков потянулись бульвары из тенистых, развесистых лип, красавцев-платанов, бегоний и павлоний, прелестных мимоз и магнолий, или стройных, высоких белых кленов и конусообразных кипарисов. Разных оттенков зелень этих восхитительных деревьев с мелькавшими сквозь густую листву домиками придавала городу очаровательный, заманчивый вид. И вот среди кипучей деятельности сухумцев сделать свой уголок земным раем, над ними разразилась страшная гроза, вмиг уничтожившая все планы их многолетних, усиленных трудов. В последнюю войну нашу с турками, в 1877 году, город был взят неприятелем и с непонятным для цивилизованного человека озлоблением уничтожен, буквально уничтожен до основания. Когда несчастные жители, после изгнания варваров вернулись на свои родные места, они увидели груды развалин и пепла. С тех пор прошло без малого полтора десятка лет, а следы разрушения и теперь, да, вероятно, и долго еще будут служить красноречивыми памятниками беспощадного зверства и бессильной злобы

«друзей гуманных сынов Альбиона»! От роскошных бульваров уцелили лишь немногие деревья, долго оплакивавшие своих безвременно погибших дорогих товарищей, да глубокие канавы, коими окаймлялись широкие, шоссированные улицы. Целые кварталы развалин, поросших мхом, папоротником и сорными травами, или пустырей, очищенных от камня и мусора и покрытых зеленым ковром роскошной травы, ожидают еще очереди, снова застроиться и перестать изображать из себя среди города выгоны для пастьбы скота.

Сухумцы, не без основания однако, надеются, что, ввиду улучшения климатических условий и ежегодно увеличивающегося наплыва приезжающих «на курсы», вследствие более и более приобретаемого городом значения зимней санитарной станции, Сухум скоро снова отстроится, нарядно оденется зеленью уже теперь засаживаемых по улицам мимоз, магнолий, платанов, эвкалиптусов и пр. А упование сухумцев на осуществление проекта – соединить Новороссийск с закавказскою железною дорогою рельсовым путем – и проведение грунтовых дорог, которые откроют доступ вглубь страны, бесспорно богатой своими естественными произведениями, не лишают их надежды, что родной город приобретет значение и торгового центра. В настоящее время, благодаря энергии и заботам местной администрации, город вступил в первую фазу своего будущего благоденствия и понемногу меняет уже физиономию. Строящееся же шоссе, без сомнения, даст городу возможность сделать еще один и сразу большой шаг к развитию его.

Из достопримечательностей Сухума обращает к себе внимание, как действительная редкость в своем роде, сад «Флора», принадлежащий, в бытность мою там, отставному генералу Введенскому, недавно приобретенный его императорским Высочеством Великим князем Сергеем Михайловичем и переименованный в «Синоп». Едва ли найдется в России ботанический сад, который мог бы поспорить с бывшей «Флорой» – теперешним «Синопом» таким многочисленным собранием самых разнообразных растений, считающих своею родиною все полосы не только старого, но и нового света. Гуляя по этому саду, занимающему девять десятин прекрасно разработанной земли у подножья лесистого гребня прибрежных гор, на юг от города, вы как бы совершаете кругосветное путешествие. Тут собрана коллекция со всего света; причем одно-классные породы, встречающиеся в разных странах, искусно подобраны и рассажены группами. Такая классификация дает возможность осматривающему делать сравнения и удивляться природе, разнообразящей одно

и тоже растение до неузнаваемости, в то же время воочию убедиться, что по климатическим условиям и по условию почвы нашего благоприятного края, даже без особого, исключительного труда, в нем могут разводиться и культивироваться растения самых отдаленных и тропических стран, растения, за пользования плодами которых, или изделиями из которых мы вывозим за границу кучи золота. Чайные, оливковые, хлопковые, хлебные, хинные, пробковые, восковые, рожковые, клубничные и множество других деревьев, знакомых нам лишь по названиям и описаниям, растут, цветут, дают плоды в саду «Синоп» не под каким-нибудь чрезвычайным надзором, уходом, требующим больших забот и трат, – нет, а просто в грунте, под открытым небом, рядом с нашими каштанами, орехами, персиками, виноградом и даже рядом с северными кедрами, соснами – кто бы поверил – березами. Это ли не рай, это ли не богатство?

Но для любителя или специалиста бывшая «Флора» представляет еще более интереса по громадному собранию растений орнаментальных, как грунтовых, так и тепличных. Разнообразные виды хвои, кипарисов, туй – европейских, американских, австралийских – роскошные деревья белого клена, мимоз, павлоний, акаций из Вандименовой земли, платанов, бегоний и пр. и пр., щеголяя друг перед другом своими красотою, чередуясь с высаженными в грунт или вынесенными под открытое небо многочисленными разновидностями пальм (из них финиковая дает даже плоды!), целые рощи лимонных и апельсиновых деревьев, необычные камелии, доведенные до роста порядочного дерева, великаны кактусы, под развесистыми, более чем сажеными листьями которых человек кажется карликом, пестреющий на открытых местах узорчатый ковер цветов и декоративных трав всевозможных цветов и оттенков, распространяющий в воздухе нежный аромат. – все это производит на зрителя чарующее, неотразимое впечатление, отрывает от действительности и невольно переносит в мир фантазий и мечтаний!

Полезность разведения таких образцовых садов несомненна, а выгода говорит сама за себя: по словам бывшего хозяина сада г.Введенского, ежегодное содержание сада с выпискою на подновление и пополнение израсходованных экземпляров растений до 2,5-3 тыс. руб., валового-де дохода, главным образом, от продажи растений, он получал свыше 5 т. руб.

Сад этот приобрел уже настолько громкую известность, что редкий из пассажиров проходящих пароходов не воспользуется не-

сколько часовую остановкою в Сухуме, чтобы посмотреть эту редкость.

Зато ничто более не останавливает внимания в Сухуме, если, конечно, Сухум не был целью путешествия, и потому такой случайный посетитель, крепко помня недобрую славу города, спешит поскорее покинуть его. А так как я был именно в роли «проезжающего», то, осмотрев «Флору» и наскоро разыскав верховую лошадь с проводником, в тот же день распрощался с Сухумом и двинулся далее в Цебельду.

Дорога, по которой мы выехали из города, служит сначала общим путем сообщения Сухума с Цебельдою и с Мингрелиею. Но потом, у устья реки Маджарки, она разветвляется: одна ветвь сворачивает в ущелье этой реки, углубляясь в горы, а другая, – перескочив через Маджарку по деревянному мосту, тянется в том же направлении, по берегу моря, к Драндам и, не доходя несколько верст до р. Кодора, обрывается, не представляя никакого конечного пункта. Обе ветви этой дороги шоссе запущены.

С левой стороны, если ехать от Сухума, эта дорога окаймлена на протяжении 4-5 верст непрерывным рядом дач и садов, обсаженных вместо изгороди цветущими розами, олеандрами. Здесь, как в более сухой и здоровой местности, сухумцы укрываются от зноя и лихорадок жарких летних месяцев. Направо – чистые зеленые поляны сменяются кущами кустарника или перелеска, сквозь листву которого синее безбрежная даль моря. Изредка до слуха доносится гул прибоя; в пенных волнах которого полощутся склоненные ветви дерев, внимая неумолкаемой, то нежной, как лепет ребенка, то грозной и могучей песне о былом Понта Эвксинского.

«Флорой» сады искусственные заканчиваются, и узкая прибрежная долина превращается в сплошной природный сад. Прекрасно укатанная в этом месте дорога разрезывает его, как бы длинной, прямой аллеей. Тень, прохлада, аромат, кругом ласкающая глаз зелень, не осенняя – увядающая и желтеющая (поездку свою я совершал в конце сентября), а свежая, ярко-зеленая, точно весенняя, искупали крайние неудобства путешествия на мерзейшей чарводарской лошаденке, в обществе бессловесного проводника-туземца, совершенно равнодушного к расстилавшимся перед ним красотам природы и предоставившего мне полную свободу, сколько угодно, восхищаться видами и упиваться ароматами морского и лесного воздуха в одно и то же время.

Проехав в немом восторге еще около 2-3 верст (в восторге был, конечно, только один я), мы неожиданно очутились на берегу довольно широкой реки Келасури. Прозрачные, как хрусталь, воды реки темной, с металлическим оттенком, полосой вливаются далеко в море, осиливая своим напором встречные валы морского прибой.

Во время моего проезда река эта не представляла никаких затруднений для брода. Но большие камни-кругляки, во множестве покрывающие русло реки, застрявшие корчаги, а иногда и целые громадные деревья с корнями, облепленные травой и мелким кустарником, очевидно, вырванные где-то у берега с глыбами земли, ясно говорят о характере реки в период дождей и таяния снегов в горах – в истоках ее. Еще более наглядным доказательством свирепости реки-потока служили бранные остатки большого деревянного моста на сваях, разрушенного до основания и унесенного в море во время весенних дождей того года.

В настоящее время на том же месте возведен новый, деревянный же мост; кажется, что при повторении наводнения 1888 года с ним случится то же, так как главное русло реки приняло самое невыгодное для прочности моста направление: вся масса воды устремилась к левому берегу и, постепенно подмывая устой моста у самого основания, угрожает ему новым разрушением. А между тем, прочный и постоянный мост здесь, безусловно, необходим, так как он лежит на единственном береговом пути, соединяющим Сухум, Сухумский округ и всю береговую часть восточного побережья не только с Цебельдою, но, главное, – с Мингрелией и Кутаисом. Вдоль этого же пути проведен и англо-индийский телеграф, только с конца шестидесятих годов соединивший Сухум с остальным миром.

За рекой Келасури поляны-луга с разбросанными по ним вековыми орехами, яблонями, алычой, грушами, инжиром, перевитыми лозами винограда, попадаются чаще. А виднеющиеся на полянах стога сена, возле них русские воловь подводы и мелькающие белые рубахи солдатиков, то копающихся у громадных стогов и погруженных подвод, то сбивающих и смакующих свежие, молочные орехи – свидетельствуют, что эти привольные места служат покосами сухумскому батальону; единственной воинской части, расположенной ныне в Сухуме, когда-то, не так еще давно, бывшем исключительно военным городом.

Несколько далее узкая полоса береговой равнины совершенно заграждается толстой каменной стеной, спускающейся с гор и упирающейся прямо в море. Стена эта, надо полагать, принадлежит той

глубокой старине, к которой археологи относят большинство памятников древности, во множестве разбросанных по всему восточному побережью Черного моря и доказывающих, что этот приморский край, ныне почти пустой, в отдаленнейшее время, был заселен колониями предприимчивых, высоко культурных народов.

Расположение стены (она проникает далеко в глубь гор, по хребту левого берега р.Келасури, которая и поныне составляет северо-западную границу Цебельды) дает повод думать, что она служила колонистам оплотом от вторжений и набегов на их богатые колонии аборигенов, населявших Цебельду и Далы и до последних своих дней сохранявших славу хищников-разбойников. О древности стены, как и всех вообще встречаемых там памятниках, свидетельствует также и необычная в наше время прочность цементных соединений строительного материала. Мне приходилось видеть, что при разрушении одной такой постройки под ударами ломов чаще разбивались, чем отделялись друг от друга, камни, соединенные толстым слоем затвердевшего цемента.

Стеной этой, как готовым и довольно солидным укреплением, пользовались в очень недавнее сравнительно время и наши и турецкие войска.

Для дороги в ней пробита широкая брешь в том месте, где, по видимому, и в древности были ворота, так как в стороне моря, тут же недалеко, видны развалины сторожевой башни.

Еще версты 3-4 дорога идет в том же направлении – между лесистым хребтом и морем – а затем немного не доходя до р. Маджары, как я уже сказал, разветвляется.

Мой путь лежал по той ветви, которая, огибая угол, соединения прибрежных гор с хребтом, составляющим правый берег долины р. Маджарки, круто поворачивает налево – в Цебельду.

В устье своем долина р. Маджарки довольно широка; по мере углубления ее в горы, она становится все уже, образующие ее хребты гор все более и более сдвигаются и в истоках эта очаровательная долина превращается в узкую скалистую теснину.

С обеих сторон в долину впадает много глубоких ущелий, покрытых, как и все окрестные возвышенности, лиственным лесом, местами поредевшим от вырубki и очистки под посеvy. Но в общем расчищенных мест так мало, что они почти не оставляют впечатления, и окрестность кажется сплошь покрытою густым, рослым лесом.

Пахотные поля, встречавшиеся по обе стороны реки и на возвышенных плоскостях примыкающих гор, обрабатываются исключительно под кукурузу туземцами, которых, если они не в поле – на работе, вы не увидите.

Живут они в этом бору поселками в один или в несколько дворов (больше трех вместе я не встречал), совершенно скрытых в темной чаще. Деревень, как принято понимать, здесь не существует. Так, на карте, верстах в 16-17 от Сухума, на левом берегу р.Маджарки, показана деревня Мархасля, но я проехал все ущелье и никакого селения не встретил. Мне и в голову не пришло, что десятка полтора отдельных хуторов, виднеющихся сквозь густую листву леса по обе стороны дороги и разбросанные чуть ли не на полуверстном расстоянии друг от друга, и такая же одинокая, но на голом бугре стоящая, церковка – составляют целое село! Ни стада рогатой скотины, ни табуны лошадей или даже ослов, ни домашней птицы, прежде всего дающих знать о близости общественного человеческого жилья, ни каких-либо других признаков, бросающихся в глаза при приближении к деревне – здесь и в помине нет. Каждый хозяин живет независимо на своем хуторе как медведь в берлоге. Общих интересов – никаких. Возле каждого домика – хутора, кроме маленького и непременно кукурузного поля, имеется еще тщательно расчищенное и иногда огороженное частоколом местечко, которое и служит хуторянину выгоном для одной и редко когда двух-трех чахлах лошадок, пары волов, с виду похожих скорее на телят, чем на рабочую скотину и нескольких серых свиней, чрезвычайно низкорослых, с очень маленьким приплодом и обязательно с особыми, сравнительно громадными трехугольными ярмами на шеях. Эти ярма, остроумно придуманные, лишают животное возможности заходить в чащу и обеспечивают хозяина от пропажи дорогого ценного им достояния.

Недалеко за церковью дорога переходит на правый берег Маджарки и, незаметно поднимаясь на гору, огибает скалистый отрог кряжа Чижауш и входит в узкое, скалистое ущелье, из которого Маджарка, бурля и пенясь, пробивается на простор.

Высеченный в скале этого ущелья участок дороги тянется версты на три и заканчивается на узкой седловине, точно каменным мостом, соединяющий скалистый отрог Чижауша с возвышенностями плоскогорной Цебельды. Эта узкая седловина-мост, на котором с трудом могут разехаться два экипажа, к западу спадает отвесными, голыми, скалистыми уступами в глубокий овраг, на дне которого и

зарождается р. Маджарка. На восток же обрыв далеко не так крут и замаскирован густой порослью кустарника. Этот обрыв спускается в овраг, по которому в противоположную Маджарке сторону течет другой горный ручей – Бариал. Отсюда же открывается вид на обширную покатую к востоку лощину, на которой живописно раскинулось село Ольгинское. До него от Сухума считается 25 верст.

Эти 25 верст, сделанные на плохой, беспокойной лошади, не оставили во мне и следа физической усталости – мне некогда было останавливать свое внимание на неудобство путешествия: я весь был поглощен созерцанием красот природы.

Сначала – чудная панорама на море, с одной стороны, и на лесистые прибрежные горы, с другой, потом не менее красивые пейзажи по всей долине р. Маджарки с роскошным лиственным лесом с мелькающими среди зелени желтыми кукурузными полями, серенькими домиками-хуторами, с извивающеюся, как змея, и сверкающею на солнце стальным блеском Маджаркою – ставит путника в положение восхищенного зрителя, автоматически подвигающегося дальше и дальше, переносящего взор с одной картины на другую, как на бесконечно большой картинной выставке. А лесной пропитанный ароматом воздух, нежащая прохлада под сенью стройных, величественных буков и кленов, раздающиеся то там, то сям, и переливающиеся гулким эхом по ущелью гиканья невидимых пахарей или ауканья женских и детских голосов – придают картинам жизнь, разнообразят впечатление, ни на минуту не ослабляя его.

При въезде в скалистое ущелье р. Маджарки картина меняется – мягкий, ласкающий колорит нежных красок долины, как бы насильно вытесняется отсюда невидимую рукою, желающей придать этим безмолвным, грозным скалам с зияющими пропастями, более подобающий им мрачный, дикий оттенок. Но могучую, поразительную растительную силу здесь не так легко одолеть! И высящиеся вдоль ущелья громады, далеко не имеют того подавляюще сурового характера, которым отличаются горы Дагестана. Налево – скала, изредка покрытая осиротевшими дубами (товарищи их успели уже попасть под нещадный топор промышленника и в образе клепок для пивных и винных бочек переселиться даже во Францию!), направо – глубокий овраг, на дне которого, то с шумом и брызгами спадает с уступа на уступ прозрачная родниковая вода, то, попав в расщелины и впадины, плавно разливается маленькими озерами, отражая на своей зеркальной поверхности сковавшие ее береговые утесы и голубое безоблачное небо. Но по ту сторону потока круто вздымаются

скалы в основании голые, а выше одетые роскошным зеленым покровом. Несколько далее эти скалы неожиданно разрываются узкою расселиною, из темной глубокой пасти которой выбрасывается на простор сноп воды, образующий невысокий, но чрезвычайно красивый водопад, играющий на солнце мириадами алмазных брызг. Придорожная скала становится отвесной, и дорога высечена в ней коридором, открытым в сторону обрыва. Но эта открытая часть, как бы для смягчения впечатления, украшена живою балюстрадаю, колоннадами висячих, темно-зеленых столбов из перевитых между собою плюща и других ползучих растений. На краю обрыва и по крутым скатам его ютятся, цепляясь за камни и выступы скал, самшитовые деревца и кусты.

Здесь впервые я увидел кавказскую пальму, до которой иностранцы большие охотники: по всей плоскогорной Цебельде, где только водилась пальма, они скупили и вырубали ее сплошь, оставив самые молодые и тонкие деревца, надолго непригодные ни для никаких поделок.

Я позволю сделать себе маленькое отступление и сказать несколько слов о месте рождения и способе добывания этого ценного дерева.

Во время пребывания своего в Цебельде я имел возможность близко видеть, с какими затруднениями сопряжены вырубка и вывоз пальмы из мест ее произрастания. Только исключительная ценность дерева да жажда наживы могут объяснить тот риск, которому подвергается промышленник и его агенты при добывании пальмы.

Для того, чтобы вынести или вывезти из пропасти вырубленные деревья, нередко прибегают к устройству дорог и тропинок по способу, который практиковался, да и теперь еще практикуется в трущобах Дагестана, а именно: в отвесные скалистые стены оврага вбиваются дубовые жерди, толщиной вершка 1,5-2 и на эти жерди кладется настилка – в Дагестане за недостатком леса, из каменных плит, а в Цебельде, как мне приходилось видеть, из плетенок и хвороста. Дешево и просто, но! Это «но» в расчет не принимается. Не только когда едешь, но когда идешь по такой «живой», висячей дороге, качающейся над тяжестью каждого шага над бездною, которая зияет с боку, сквозит в щели плетня – дух захватывает! А тут должны проходить люди, а иногда лошади и ослы, навьюченные тяжелою ношею – брусьями пальмы.

Чтобы удовлетворить мое любопытство – повидать пальмовый лес вблизи и побывать в нем – мне доставили случай, с помощью

испытанного в деле добывания пальмы проводника, проникнуть в одну из таких трещин, где помимо опасности сорваться и разбиться вдребезги, я рисковал встретиться с неоспоримым хозяином, постоянным обитателем этих дебрей – медведем.

Теснина, в которую мы спустились, цеплялась за кусты и корни, поддерживая и подсаживая друг друга, представляла собой чрезвычайно узкое и глубокое ущелье, окаймленное отвесными скалами, наверху увенчанными нагнувшимися над пропастью развесистыми дубами. Эти великаны своею темною, густою листвою совершенно преграждали доступ к нам солнечным лучей, как бы охраняя мертвую, вечно мрачную бездну от вторжения все оживлявшего солнечного света. Действительно, в глубине ущелья царят постоянные сумерки! Под ногами, с боков, над головой – все камень и камень. Дно ущелья, усеянное желудями, яблоками, орехами, осыпавшимися сверху, местами гладко как паркет, местами же обрывами и уступами опускается все ниже, углубляясь в недра земли все глубже и глубже. По этим уступам спадает красивыми каскадами холодная, прозрачная вода, которая выбивается природными фонтанами из расселины скалы, наполняя ущелье несмолкаемым, таинственным шумом. Воздух пропитан тяжелым, специфическим запахом самшита. Темно, сыро, подавляюще дико, неприступно – жутко! И вот тут-то настоящий рассадник пальмы – пальмовый лес! Но лес лишь по названью. На вид – чахлые, низкорослые, кривые, покрытые мхом, грибами и плесенью – точно ржавчиною, деревья в страшном беспорядке разбросаны по дну ущелья и по скалистым берегам его. Ветки самшита, унизанные мелкими, продолговатыми листиками темно-зеленого цвета, почти не отличающимися от листьев мирты, своим расположением на стволе придают дереву сходство с елью. Как растут эти деревца, где, в чем находят они себе питание – я решительно недоумеваю. Почвы, собственно земли, если не считать мелких каменных осыпей, прикрытых слоем сгнивших листьев, плодов и валежника здесь и признаков нет. На голом камне, точно прилепленное, стоит такое деревцо и видимо растет и живет здоровою жизнью: немало труда стоило нам подрубить у корня одно дерево, которое и хотел взять с собою в воспоминание об этой трудной прогулке. Насколько ценно это дерево, можно судить из того, что на месте, так сказать, за одно право вырубки, промышленники платили от 35 до 60 копеек за пуд дерева, смотря по толщине дерева.

Заезжать в с. Ольгинское мне не нужно было, а потому, оставив дорогу, тотчас от седловины, мы повернули направо, на едва заметную в густой поросли высокого кустарника тропинку, извивавшуюся по крутому косогору. Когда, вскарабкавшись по ней на бугор, плоская вершина которого расчищена частью под кукурузное поле, а частью под роскошный покосный луг, моим глазам открылась новая восхитительная панорама. Прямо за оврагом – несколько построек, живописно разбросанных среди зелени деревьев, а за ними, сливаясь с багровым небом, лесистый хребет Апианче; направо – только что покинутое нами дикое ущелье р.Маджарки; сзади – глубокая лощина, на склоне которой, у подножия краснеющей от папоротника горы Ахупач, раскинулось с. Ольгинское; и, наконец, налево – все плоскогорье Цебельды с бесчисленными холмами, долинами, оврагами; вдали виднеются зеленые горы Дальского ущелья, а еще дальше, на фоне лилово-голубого неба – горы-великаны с седыми, снежными вершинами Главного Кавказского хребта. Даль эта, в которую хочет проникнуть глаз ненасытного зрителя, подернулась дымкою, стыдливо прикрывая прозрачным флером свою чудную девственную красоту от нескромных взглядов.

Но долго любоваться этой панорамой я был уже не в силах; масса полученных за дорогу впечатлений притомила мои нервы. К тому же я горел нетерпением добраться до виднеющейся за оврагом усадьбы, где ждала меня радость встречи с близкими мне людьми. Здесь я предполагал сделать несколько дневной привал и затем уже продолжать путь в совершенно дикое и безлюдное ущелье р. Кодор.

Плоскогорье северо-западной Цебельды представляет собою возвышенную и довольно обширную продолговатую долину, окаймленную: с юго-запада, со стороны моря, горным хребтом Апианче, с северо-востока – рекою Амткелкою и ветвью амткельских высот – кряжем Агыш; к юго-востоку – долина суживается и спадает крутым и высоким обрывом в реку Кодор, а на северо-западе она замыкается другой ветвью амткельских высот – скалистым отрогом Чижоуш.

Долина эта на всем пространстве, около 20-ти верст в длину и от 5-ти до 8-ми в ширину, перерезана множеством оврагов продольных и поперечных, образующих то высокие, то низкие поляны, частью поросшие перелеском или крупным кустарником, частью – уже расчищенные под пахоты, сады, пастбища и покосы.

Все плоскогорье, за исключением участков, отведенных селению Ольгинское и несколькими русским переселенческим поселкам, со-

ставляет собственность частных землевладельцев, получивших здесь высочайше пожалованные наделы еще в семидесятых годах.

Ввиду крайне неблагоприятных условий для ведения сельского хозяйства в пожалованных имениях в это время, когда и эта ближайшая к Сухуму часть Цебельды, представляла собою дикую и безлюдную страну, в которую с трудом можно было пробраться и верхом, некоторые владельцы, менее дальновидные, поспешили сбыть свои бездоходные тогда участки, вероятно, рассуждая, что «лучше синицу в руки, чем журавль в небе».

Люди же предприимчивые, предварительно ознакомившиеся с местностью, климатом, производительностью почвы, вполне воспользовались случаем выгодно приобрести эти участки. Они предвидели, что такой богатый край, лишь временно забытый и притом лежащий на пути соединения Сухумского побережья с Кубанской областью,* не останется без хороших дорог, а потому, не останавливаясь перед затратами, ввиду будущих доходов, энергично принялись за дело. К сожалению таких пионеров-культуртрегеров сравнительно очень мало. Первое место между ними, бесспорно, принадлежит г. Р. Произведенные им опыты в разных отраслях сельского хозяйства дали вполне благоприятные результаты. На громадной площади разведен обширный сад с питомником, ежегодно пополняемым выписными сортовыми деревьями. Заведена образцовая пасека, за которую смотрит специалист; разводится рогатый скот усовершенствованных пород. Но наибольший успех, как мне гово-

---

* Предположение – соединить берег Черного моря с Кубанской областью прямым сообщением через Главный Кавказский хребет для военных целей – возникло сравнительно очень давно. Еще в начале 50-х годов, специально назначенная экспедиция под руководством офицеров корпуса топографов исследовала ущелья рек: Маджары, Амткелки, Кодора и Чхалты для отыскания наиболее удобного направления дороги через главный хребет. Но исследования эти, по-видимому, не имели в то время положительных результатов, так как для проложения дороги было избрано другое направление – по ущелью р. Псху, и в 1868 году приступлено к работам, но уже в 1872 эти работы были прекращены, вероятно, вследствие встреченных на пути препятствий. И тогда только первоначально предположенное направление, с некоторыми изменениями, было окончательно принято, а в 1876 году начаты и сами работы так называемой военной тропы, которая при мне была доведена почти до самого перевала. Часть этой тропы, от Сухума до с. Ольгинское, разделана уже в сносное шоссе.

рили, г.Р., по профессии – табачный фабрикант, будет иметь в разведении плантаций американского табаку для сигар; первый опыт дал блестящие результаты.

Итак, начало сделано, пример подан!

Не подлежит сомнению, что вскоре явятся подражатели, быть может, – конкуренты, а тогда промышленно-экономическое положение Цебельды можно считать вполне обеспеченным, тем более, что за спиною этой ближайшей Цебельды стоит непочатый край естественных богатств целого Дальского ущелья.

Пока же только весьма немногие цебельдинские помещики, сами или через посредство арендаторов, исподволь подготавливают почву к будущему своему благоденствию, понемногу испытывая то одну, то другую отрасль хозяйства; причем редко кто выходит за пределы удовлетворения потребностям деревенской жизни и покрытия расходов по имению. Время доходов с цебельдинских имений еще не пришло.

Большинство же землевладельцев тяготятся своими землями: одни – по неимению денег для первоначального устройства имений, другие – вследствие полного неумения вести хозяйство вообще и приспособиться к местным условиям в особенности, наконец, третьи – по непонятной беспечности совершенной бездеятельности. А между тем, все эти отсутствующие у цебельдинских помещиков элементы для успеха дела необходимы там более чем где-либо. Земля прекрасная, растительность и урожаи поразительные. Но, чтобы подготовить эту землю, чтобы получить урожаи, надо выдержать тяжелую борьбу и с самою природою и с теми обстоятельствами, в которых находится край, только что начинающий свою жизнь.

Наибольших усилий требует борьба с природою, с бичом местных сельских хозяев – кустарником и, в особенности, папоротник.

С характером цебельдинских кустарников я имел случай близко познакомиться. В одну из бесчисленных прогулок по окрестностям я хотел осмотреть развалины древней церкви незадолго до меня посещенной графиней Уваровой, которая производила там раскопки. Не знаю, удалось ли почтенной изыскательнице добыть что-либо интересное из-под оставленной ею груды камней и мусора, но до нее рабочие, бравшие камни для построек, нашли в руинах, по словам одних, золотой, по словам других, медный, очень древний престольный крест. Развалины эти лежат на холме, отделяемом от усадьбы лишь неглубоким оврагом, сплошь поросшим кустарником, на вид легко проходимым. На беду мою я принял кабанью тропинку

за настоящую. Сначала я шел довольно свободно; но мало – помалу движение становилось все труднее, и труднее. Кусты и деревья переплетались самыми разнообразными вьющимися растениями, образуя как бы сетчатую стену спереди и сзади и почти сплошной свод сверху. Чтобы продвинуться вперед, приходилось то пробивать палкою узкий проход, то ползти, буквально расстилаясь по земле. Ноги путались в лианах, как в тенетах, измучил меня вьющийся шиповник, ежевика и еще какой-то колючий плющ. Не теряя, однако, надежды скоро выбраться из этой заросли, я продолжал пробиваться, пока не пришел в полное изнеможение и не признал физически невозможным двинуться ни назад, ни вперед. Не случись это так близко от усадьбы, что крики мои о помощи были скоро услышаны, я должен был бы считать себя, безусловно, погибшим. Не только платье и обувь были изорваны в клочки, но и тело все исцарапано и покрыто кровью.

Понятно, вырубка таких зарослей – кустарников требует чрезвычайно трудной и тщательной работы, в особенности при выкорчевывании корней. Если последнее сделано успешно и не особенно старательно, то, при тамошней необычайной растительной силе, уже через год затраченный труд и время надо считать потерянными. На месте вырубленной чащи появляется новый враг, с которым придется считаться чуть ли еще не больше, – это местный папоротник. Растение это имеет высокий стебель, вершина которого одета длинными, широкими, точно ажурными листьями. Растет папоротник необыкновенно быстро и густо. По мере вырастания листья переплетаются и образуют сплошной навес, не пропускающий солнечных лучей, отчего почва всегда остается влажною, хорошо питающей растение. Для уничтожения папоротника в Цебельде практикуется два способа: выжигание и скашивание. Первый способ, вероятно, занесенный сюда поселенцами, хотя и полезен также для самой почвы, но так как он применим только в засуху, то должен считаться нежелательным, ввиду небезопасности его для лесов. Вторым же способом, исстари практиковавшийся абхазцами, правда, требующий большой затраты труда и времени, гораздо предпочтительнее еще и потому, что молодой папоротник*, смоченный раствором соли, представляет собой прекрасный корм для скота и особенно лошадей.

---

* Для полного искоренения папоротник скашивается несколько раз весною, когда только что появятся молодые побеги.

Но затем, если и этот враг побежден, на месте непроходимых дебрей появятся богатейшие пахоты, сады, огороды, луга с необыкновенными урожаями, которые сторицею вознаградят земледельца.

Из нынешних обстоятельств, которые тормозят развитие Цебельды в сельскохозяйственном отношении, на первом месте стоит незаселенность края, отсутствие рабочих рук.

На значительной площади плоскогорной Цебельды имеется только одно греческое село Ольгинское и один малороссийский поселок Полтавка. Вне этой площади, за р.Амткелкой, в горах, расположено еще одно греческое селение – Георгиевское, а к стороне моря, за хребтом Апианче – русские селения: Евгентьевское, Черниговка, Владимировка и мингрельское – Анастасьевка и др., но эти, наиболее значительные селения, а также поселки в долине р.Маджарки, настолько прикреплены к своей земле, еще нуждающейся в усиленном обрабатывании, что выделить от себя рабочих на заработки в плоскогорную Цебельду не могут, а потому их и нельзя принять в расчет, как рабочую силу. Остаются, следовательно, сел. Ольгинское с 30-ю семьями (приблизительно), да Полтавка, имеющая также около 30-ти дворов. Но греки, по преимуществу мастеровые, совсем плохие земледельцы, и к тому же, в самое страдное время они почти поголовно оставляют селение и уходят на заработки – на постройки. Свободных же для найма поселенцев из Полтавки, а частью из Черниговки, остается немного. Да и эти немногие, пользуясь случаем, ценят свой труд так высоко, что принимать их услугу могут лишь весьма немногие помещики. Притом, эти поселенцы хорошие работники только как пахари и косцы – в садах, огородах, пасаках они не годятся.

Заходят сюда на заработки также и мингрельцы, но этот безземельный, избалованный, ленивый, да еще и вороватый работник неохотно принимается землевладельцами даже за сравнительно дешевую плату.

Полтавцы поселились в Цебельде в 1884 году. Пришло довольно много, а осталось, как я уже сказал, около 30 семейств. Непривычная, трудная работа в гористой местности, где каждую пядь удобной земли надо сначала отвоевать у леса, у кустарника, у папоротника, страшная болезненность, развившаяся между ними на первых порах от новизны климата, и от чрезмерных лишений, – в первые же года разогнали бедных хохлов; не удержали их здесь и значительные наделы (по 10 десятин на хозяина) с богатыми, нетронутыми лесами и даже с пальмою. Больше половины переселившихся бежало мыкать

горе; немало их сложили и кости, не дождавшись светлых дней. А эти дни для уцелевших и оставшихся здесь, кажется, наступают. За несколько лет тяжелой, полной лишений и адского труда жизни, эти немногие успели акклиматизироваться, свыкнуться с характером местности, освоиться с особенностями местной обработки земли, отрешиться от своей «хохлатской» лени, обстроиться и обзавестись хозяйством, а некоторые – даже и сбывают излишек урожая. Взрослым помогают и дети: мальчики нанимаются в пастухи, девочки от 12-ти до 18-ти лет имеют постоянный заработок на табачной плантации г. Рейнгарта.

Черниговцы поселились несколько позднее, и сказать что-либо об их новом житье я затрудняюсь, но думаю, что, имея в полтавцах-удачниках хороший пример, они, вероятно, останутся и заживут со временем припеваючи в этом благодатном крае, так мало похожем на покинутые родные, но далеко уже не привольные степи.

До настоящего времени успешному развитию края много вредило также и отсутствие дорог. Усадьбы помещиков сообщались между собой тропинками, протоптанными диким зверьем или скотиною, а о вывозе в Сухум излишков сельских произведений несколько лет тому назад никто помышлять не мог вследствие бездорожья. Теперь это препятствие до некоторой степени устранено с проведением сносной дороги из Сухума в Цебельду и через Цебельду, что сразу и значительно подняло ценность земельных участков.

Ценность эта возвысилась бы еще более, если бы нашлись солидные (денежные) арендаторы, или же крупные гуртовщики, которые бы скупали местные произведения и транспортировали их в торговые центры.

До сих пор только кукуруза и лес имеют сбыт через посредство скупщиков и агентов, по преимуществу – иностранных предпринимателей: кукуруза – в Турцию, а лес – во Францию. Прочие же произведения, как-то: фрукты, овощи, мед, воск, всякая живность и пр. и в урожаи, и в неурожаи одинаково не имеют сбыта и покрывают лишь расходы на собственные нужды хозяев. Таким образом, отсутствие вывозной торговли и местных потребителей (ведь нельзя же Сухум считать потребителем произведений целого округа!) держат богато одаренную Цебельду в полной бездеятельности, в глубоком сне. Оживятся, очнутся от этой спячки и край и производители только тогда, когда явятся на помощь последним капиталисты с конторами, складами, агентами в том же Сухуме, который для жизни Цебельды также необходим, как желудок для живого организма.

А каково должно быть пробуждение, оживление деятельности в крае по всем отраслям сельского хозяйства, лесной и горной промышленности (Цебельда не лишена и минеральных богатств) – можно предсказать, не будучи пророком!

Чтобы дополнить картину незавидного положения Цебельды в настоящее время, упомяну еще о двух злах, тяготеющих над обывателями – о конокрадстве и о диких зверях: медведях, кабанах, шакалах и др. Корень обоих этих зол надо искать, опять-таки, в чрезмерной малонаселенности края. Не только искоренение их, но и борьба с ними не по силам одному местному населению. Тут уже, безусловно, необходимы помощь и содействие администрации. Благодаря разбросанности жилья, затруднительности взаимного сообщения и полному отсутствию полицейской охраны, за которую, в лице участкового пристава, надо скакать в Сухум, собственники вынуждены оберегать свою рабочую скотину с оружием в руках, что может породить несчастные случаи и вовлечь хозяина в неприятности и ответственность за самовольную расправу с вором. О случаях убийств мне не приходилось слышать, но за свое кратковременное пребывание в Цебельде я не раз был разбужен ночью выстрелами, а утром выслушивал объяснение сторожа, что какой-то лихой человек либо подкрадывался к табуну, либо перелезал через забор загона. При всем том жалобы на увод лошади, быка или коровы не прекращаются. Меня уверяли, что промысел этот проник сюда из соседней Мингрелии, где он возведен в особого рода культ.

Случаи нападения на домашних животных дикого зверя встречаются несравненно чаще, но вред, наносимый им хозяйству менее чувствителен, так как подвергается нападениям, главным образом, птица и редко когда - теленок, баран или свинья. Организация охотничьих команд, которые бы, если не истребили хищников, то – отогнали бы их вглубь гор, много помогла бы в этой беде цебельдинцам.

Присмотревшись к жизни усадебников в Цебельде, я не мог не отметить следующего факта. Несмотря на полную беззащитность постоянных обитателей, живущих отдельными хуторами среди оврагов, лесов, среди обстановки, лишаящей их физической возможности уберечься от насилий, грабежей, разбоев, – бедствия эти там неизвестны. Чему приписать, чем объяснить это отрадное и, к слову сказать, редкое в нашей окраине явление, – не знаю, но, во всяком случае, надо ему радоваться и желать, чтобы и в лучшие, грядущие дни жизни Цебельды оно не покинуло этот богатый уголок.

Дальнейший мой путь лежал через все плоскогорье северо-западной Цебельды в долину р. Кодор, так называемое Дальское ущелье или просто Далы, где производились в то время землемером Т. работы по размежеванию второй серии пожалованных участков.

Все сведения, какие я мог раздобыть об этом ущелье, ограничивались самыми скромными сообщениями, «что там, кажется, разрабатывается дорога, строятся мосты и где-то работает землемер». Но в каком именно месте, сколько времени надо употребить, чтобы добраться до лагеря землемера, и можно ли будет где-нибудь найти приют, если бы ночь застала нас в дороге, мне не мог сказать даже вызвавший сопроводить меня турок-лазистанец Ахмед, который уверял меня, что Далы ему так же хорошо известны, как родной Лазистан.

На деле же оказалось, что дальше урочища Латы, отстоящего от Ольгинского не далее 30 верст, он никогда и не заглядывал.

Такая неизвестность предстоящего путешествия несколько смущала меня. Тем не менее, зная по карте, что самый дальний участок, на котором г.Т. мог работать, лежит не далее 70 верст от Ольгинского, я решил добраться до лагеря в один день.

Раздобыл на этот раз при помощи Ахмеда спокойного иноходца, на котором я чувствовал себя как в кресле; собрав походные принадлежности, запасся на всякий случай солидным запасом провизии и, вооружившись как в бой, мы выехали из усадьбы рано утром.

Разработанная дорога – продолжение сухумо-цебельдинского шоссе – проходит, как я уже говорил, мимо сел. Ольгинского и, чтобы выехать на нее, нам надо было сделать крюк в 3-4 версты, а потому я охотно согласился на предложение Ахмеда ехать по кратчайшей дороге, через соседнее имение г. Витушинского. Собственно дороги здесь нет, и носит это название тропинка, пробитая напрямик через леса и овраги. Версты три, четыре тропинка эта извиляется у подножья хребта Апианче, а затем, выбежав на возвышенную роскошную покосную поляну, она сворачивает налево и, в виду приютившейся направо от нее в глубокой лощине, усадьбы г. Витушинского, круто сбегает в рощицу диких фруктовых деревьев, привитых и подчищенных г.Рейнгардтом, – здесь начинается его имение. Здесь же я был приятно удивлен, увидев целую артель русских плотников, строящих сушильни-навесы для фруктов и сколачивающих бочонки и ящики для упаковки их. Видно, энергичный поме-

щик нашел способ из затруднительного положения и открыл путь к пользованию природными богатствами своего участка.

Из этой рощи-сада тропинка вывела нас на настоящую дорогу, уже в то время вполне колесную, так как навстречу нам попадались громадные русские возы с сеном. В этом месте холмы как-то расступились и открыли довольно широкую долину, совершенно чистую от кустарника и даже от папоротника. По левому, слабо покатому склону долины разведен громадный сад, засаженный редкими сортами разнообразных фруктовых деревьев. Сад этот, занимавший в мой приезд огромную площадь – 5 десятин и насаженный по преимуществу выписными, ценными деревьями, как оказалось, был разбит на таком месте, которое никоим образом не может быть искусственно орошено; благодаря чему через три года после насаждения сад высох совершенно. Но г. Рейнгардт не унывает и, как я слышал, засадил новый сад, но уже не в 5, а в 15 десятин и, конечно, на другом месте.

Несколько далее по склону лесистого холма раскинулась сравнительно обширная и обустроенная усадьба того же помещика. Вокруг маленького домика управляющего красиво разбросаны среди зелени разные служебные и хозяйственные постройки.

Здесь отроги Агыша прорвались в долину и преградили нам путь, заставив инженера, прокладывающего дорогу, то огибать, то зигзагами подниматься, спускаться и снова подниматься на бесконечные свои разветвления. Инженеру, быть может, и по вкусу пришлось прихотливые затеи амткельских высот, но мне они показались совсем неуместными; ехать по разработанной дороге, правда, было бы много покойнее, но зато и много дольше; выбранный нами кратчайший путь, по старой тропе, оказался очень трудным, бесперывно приходилось то спускаться в овраги, то подниматься на холмы по скользким изрытым скотиною тропинкам, при этом нередко приходилось на дне оврага спешиваться и эквилибрировать по перекинутому через трясины мокрому стволу дерева, ведя в поводу увязающую по брюхо лошадь. Неудобства эти, впрочем, искупались сохранением времени и приятною прохладой, царившею в чаще леса, через который проходит тропа.

Выбравшись из леса опять на настоящую дорогу, и поднявшись на возвышенную, голую поляну в имении г. Красницкого, мой спутник привлек мое внимание на чудную, редкую картину. Хребет Апианче, составляющий границу плоскогорной Цебельды со стороны моря, как раз против нас как бы разорвался, образуя узкое уще-

лье – ворота, чрез которые открывался вид на далекое синее море. Довольно густая мгла несколько скрывала очертания низменного, лесистого берега и самый горизонт моря, но в ясную погоду открывающаяся отсюда панорама должна быть бесподобна. Один постоянный местный житель уверял, что в ясные дни через эти ворота не только ясно видно море и проходящие вдоль берега дымящиеся пароходы, но во время бурь на море слышен и гул морского прибоя.

Версты за три до старого цебельдинского укрепления дорога проходит почти по самой вершине длинного холма, левый склон которого, покрытый непроходимым, густым лесом, спадает прямо в бурливые волны реки большой Амткелки. Отсюда прекрасно видно все плоскогорье с.-з. Цебельды, долина р. Амткелки, старое цебельдинское укрепление, зеленые горы левого берега р. Кодора и далекие синеющие громады Главного Кавказского хребта, словом, на время скрывшиеся от наших глаз виды, снова открылись во всей своей красе, но ненадолго: дорога сначала понемногу, а от цебельдинского укрепления круто спускается к р. Амткелке и мы опять погрузимся в мрак лесной чащи.

Цебельдинское укрепление, расположившееся на седловине между холмами, на прекрасной полянке, изредка осеняемой купами яблонь, груш, алычи или одинокими развесистыми вековыми орехами, представляет квадратный редут с расположенными по фасам оборонительными казармами. В 1885 году эти постройки, пустовавшие со злополучного 1877 года и участок земли при нем, были отданы русским монахам (вероятно, из соседнего Драндского монастыря) для устройства там подворья для приюта богомольцев, идущих из Кубанской области через Карачай и Главный Кавказский хребет, в Драндский и Ново-Афонский монастыри.

Почти у самого укрепления дорога круто поворачивает налево и беспрерывно версты две спускается к р. Амткелке. Недалеко от поворота, на обширной придорожной поляне нам встретился большой аробный обоз с ореховыми брусьями. Ни в южном Дагестане, нигде в Закавказье мне не приходилось видеть таких громадных ореховых колод: длина брусьев, вероятно, не превышает 3-х аршин, но зато толщина и ширина их доходила до 1,5 и даже до 2-х аршин и это – в обделанном, отесанном виде; каковые же должны быть самые деревья. В огромные, неуклюжие арбы, вероятно, специально приспособленные для перевозки таких колод, было впряжено от 3-х до 6-ти пар буйволов, с трудом вытягивавших эти необычайные машины дорогого дерева из обширной лесной дачи графа Бобринского.

Спуск к мосту через реку разработан довольно сносно, но так как самого моста, хотя и недавно только построенного, не существовало, то для проезда ароб была разделана прежняя верховая тропа к броду. Судя по широкому, каменному руслу реки надо полагать, что Амткелка в половодье вовсе непроходима вброд; летом же и раннею осенью, когда не настал еще период дождей, в месте постоянного брода она проходима без труда и опасности; несколько ниже брода с левой стороны в р.Большую Амткелку впадает река – Малая Амткелка, с шумом вырывающаяся в долину из скалистой теснины, темная пасть которой хорошо видна с мест переправы через обе реки. Отсюда же мы видели остатки моста, разрушенного весенними разливами того года.

Переправившись через Большую Амткелку, мы въехали в имение графа Бобринского, состоящее из нескольких тысяч десятин богатейшего леса. Сопровождавший меня турок, по профессии плотник и мелкий лесопромышленник, говорил, что в этом имении есть громадные площади, сплошь покрытые исключительно ореховыми деревьями и дорогою кавказскою пальмою-самшитом. Перейдя вброд и р.Малую Амткелку, мы стали подниматься по адской тропинке, извивающейся по необыкновенно крутому, скалистому склону, сплошь поросшему самшитом; лишь изредка попадались между мохнатыми, кривыми стволами пальмы, гладкие, чахлые деревца бука. Просто поражаешься, как могли вырасти на этой голой скале и эти бедные деревца!

Подниматься по этой крутизне верхом не было никакой физической возможности, тропинка высечена в скале лестницей со ступеньками вышиною в 1/2 и более, а потому мы спешили и карабкались, держась за хвост лошади, которой была предоставлена свобода выбирать дорогу; бедные животные, пыхтя и фыркая, останавливались на каждом повороте зигзагов, длина которых часто не превышала длины самой лошади. Свободно вздохнули мы только тогда, когда выбрались из мрака и одуряющей атмосферы пальмового леса на разделанную дорогу-тропу, плавно поднимающуюся среди чудного букового леса.

После нескольких длинных зигзагов, которые умышленно не сокращали, чтобы дать вздохнуть измученным лошадям, мы неожиданно выехали на край страшного обрыва с правой стороны в р.Амткелку; дорога некоторое время идет карнизом над этим обрывом; но так как она здесь гладкая, довольно широкая и притом осе-нена крупным лесом, то, несмотря на головокружительную про-

пасть, простирающуюся у ваших ног, на глухой, отдаленный шум бешено ревушего потока, мелькающего в глубине, сквозь листву висящих над бездной деревьев, вы не только не ощущаете какого-либо страха, но напротив, забываете об опасности, восхищаясь величием природы в ее редких сочетаниях дикости и мягкости; вы испытываете какое-то чувство благоговения перед этою подавляющею и в то же время привлекающею вас мощною силою природы.

По мере того как вы поднимаетесь все выше и выше, шум реки затихает и, когда дорога сворачивает влево вглубь леса, пропасть скрывается из глаз, а вы погружаетесь в безмолвную чашу леса. Царящая кругом мертвая тишина и вечный полумрак беспросветной чащи леса действует на нервы; становится как-то не по себе, вас охватывает неприятное ощущение одиночества. Причудливые формы мшистых зелено-серых скал и камней, разбросанных титанической рукой среди стройных вековых деревьев, представляются вам развалинами, а настроенное воображение создает целую историю кажущихся руин! От неожиданно раздавшегося сзади голоса спутника вы вздрагиваете, точно разбуженные от тяжелого кошмара, несколько приходите в себя и, чтобы окончательно овладеть собою, освободиться от чувства непонятного беспокойства, вы начинаете громко петь, но многократное эхо глухо повторяет за вами слова песни, точно передразнивая и издеваясь над охватившим вас волнением, и вы еще в большем волнении замолкаете и стараетесь рассеяться разговором, который вполголоса заводите со своим спутником.

Поразительно, что за все время пути по этому лесу я не встречал ни одной птицы; зато чуть ли не на каждом шагу мой проводник-мусульманин отплевывался и бранился, указывая на вскопанные места и на самой дороге и на прогалинах, свидетельствующие о многочисленном диком населении леса, в образе вислоухих, четвероногих врагов исламистов; немало попадалось тут и медвежьих следов; но встретиться с самими кабанами или медведями нам не привелось ни разу во всю поездку.

В том месте, где дорога достигает высшей точки подъема, стелется некоторое время по равнине, все еще покрытой лесом, но далеко уже не таким крупным и частым, до моего слуха донесся далекий, неопределенный, глухой шум. На вопрос о причине этого гула Ахмед ответил, что-то «Кодор кричит». Наконец-то! Но долго еще пришлось нам ехать, пока сквозь ветви значительно поредевшего леса сначала блеснула раз, другой сине-стальная полоска воды, а на

одном из поворотов дороги у начала спуска глазам нашим открылась и сама чудная долина этой главной абхазской реки. Но, Боже, на какой высоте находимся мы! Рокот бушующей реки только слабым эхом доносился до нас из глубины ущелья; самая река кажется узкой лентой, извиляющейся вдоль лесистого левого берега; правый берег скрыт от нас густою зеленью кустарника, которым порос крутой обрыв, спадающей ближе к реке отвесною скалою страшной высоты. Видимые отсюда горы левого берега лежат совсем под ногами и кажутся незначительными холмами. Отсюда же через ворота, пробитые Кодором в хребте Апианче, виднеется прибрежная Кодорская долина – низменность, покрытая непроходимыми лесами князей Шервашидзе и сливающееся с ними на горизонте далекое море. Картина поразительная!

Далее дорога спускается к Кодору над обрывом и, хотя она настолько широка, что два всадника свободно могут ехать рядом, но усыпана острым известковым щебнем, что чрезвычайно затрудняет путника и особенно лошадь, беспрестанно скользящую и спотыкающуюся.

Мало-помалу вид на реку открывается, а скрытый до сих пор обрыв, обнаруживается и невольно заставляет вас, если не спешиться, то прижаться к левой, внутренней стороне дороги. Но вот скат, по которому проложена тропа, превращается в совершенно отвесную скалу, у подножия которой река со страшным шумом и яростью разбивает свои валы, как бы силилась сокрушить этого гордо вздымающегося над нею чуть ли не до небес каменного гиганта. Дороге некуда свернуть и ее выбивают в этой скале на протяжении около 100 саж. узким карнизом на высоте 50-60 саж. над уровнем реки. На краю этого карниза для безопасности сложена из камней невысокая стенка, но местами от беспрерывных осыпей, обвалов и небрежного присмотра за дорогою вообще, полотно тропинки поднимается в уровень с барьером, и нередко с уклоном к обрыву, почему проезд по этому участку дороги не всегда может считаться свободным.

Очень интересна сама скала. Основная толща ее, относящаяся, без сомнения, к известковому происхождению, пересекается параллельно расположенными, с наклоном около 15° , жилами разноцветного и довольно твердого камня, образчики которого я взял с собою, в особенности обратили мое внимание, как имеющие необычайное сходство с мрамором: одна – матово-красноватого цвета, другая – готовая же, молочного или, вернее, дымчатого цвета. Пласты этого

камня резко выделяются на срезе скалы ослепительной белизны. Из этой же скалы еще в пятидесятых годах брали литографский камень, который, впрочем, с развитием литографского дела был забракован вследствие значительного присутствия в нем твердых кристаллических зерен, делавших его шероховатым; при исследованиях, проведенных инженером Абрюцким в 1852 году, между обломками, свалившимися к берегу Кодора были найдены образчики вполне годного литографского камня. Новейшие тщательные исследования этой казенной громады, не оставленной без внимания 30 лет назад, во времена длительной жизни Кавказа при кн. Воронцове, весьма вероятно, привели бы к благоприятным результатам и обнаружили бы в ней присутствие хорошего литографического камня и мрамора, этих ценных пород камня, за пользование которыми Россия так много приплачивает иностранцам.

Оставив за собою этот страшный обрывистый участок дороги, мы выехали на бугор, мысом вдающийся в реку, которая поневоле делает здесь крутую извилину. Как раз в этом месте отвесные, скалистые берега ее сходятся чрезвычайно близко, образуя теснину, которою удачно воспользовались туземцы для устройства единственного на Кодоре моста во всем Дальском ущелье. Через пропасть, в глубине которой пенится, кипит и брызжет сдавленная река, поднимая целое облако водянистой пыли, перекинута толстая виноградная лоза, укрепленные за выступающие концы врытых в берега бревен; вместо полотна на эти лозы наложены и прикреплены более тонкими лозами плетни и хворост; когда идешь по этому мосту, то чувствуешь, как он колеблется под ногами, ступаешь по нему точно по пружинной настилке. Понятно, через такой живой мост может переправляться только пешеход, да и то привычный, с крепкими нервами и незнакомый с головокружением.

Впрочем, туземцы умудряются перегонять через этот мост целые стада баранов, несмотря на то, что на нем даже перил, которые обыкновенно приделываются горцами Дагестана к таким же мостам через свои потоки, нет.

Несколько лет назад один топограф-офицер, работавший в тех местах, отважился было перейти через этот мост, но, добравшись до середины, потерял присутствие духа, не справился с головокружением и бесследно погиб в поглотившей его пучине. Мост этот носит название «Багадский».

Высочайше пожалованные земельные участки, отмежеванные в Дальском ущелье, расположены по обе стороны реки, а те из владельцев, имения которых лежат на левом берегу Кодора, в данное

время могут лишь издали, с противоположного берега, любоваться своими прекрасными, богатейшими лесами и садами. Если даже и найдется между ними смельчак, рискнувший бы переправиться через мост, то, чтобы добраться до своих земель, он должен продолжать путь не иначе как пешком, ибо дорог на левом берегу вовсе нет, если не считать старую абхазскую тропинку, когда-то пробитую через леса и овраги параллельно по берегу, вверх по течению реки, но со времени выселения жителей Дальского ущелья совершенно заброшенную и до того заросшую, что не только проехать, но подчас найти следы ее трудно.

К Багадскому мосту мы спустились лишь для того, чтобы посмотреть на него, дорога же наша лежала по той же абхазо-кубанской тропе, довольно искусно проложенной и прекрасно трассированной по чрезвычайно пересеченному склону примыкающих к правому берегу Кодора гор, покрытых густым, почти непроходимым, в то же время богатейшим строевым лесом самых разнообразных строевых пород с некоторым преобладанием дуба. Нам непрерывно приходилось выезжать к самой реке, огибая вдающиеся в нее мысами отроги, то углубляться в бесчисленные, темные и сырые ущелья, спускаясь и переправляясь через горные потоки, в бездожде и палящий зной, манящие своею хрустальною родниковою влагою, сверкающую на пробивающихся сквозь зеленый густой свод солнечных лучей всеми цветами радуги в бесконечных брызгах красивых водопадов.

В прохладной тени этих ущелий вас охватывает ощущение полного физического довольства. Въехав в такое ущелье, вы невольно останавливаетесь среди потока и любуетесь его водопадами, крутыми скалистыми берегами, по окраине, а иногда и по скалам которых высятся великаны чинары, вязы, дубы, каштаны, распутившие свои зеленые крылья над потоком, как бы охраняя его живительную влагу от палящего солнца. А что за воздух? Вы чувствуете его при дыхании, расправляете грудь, чтобы побольше набрать его в себя. Но воображаю, как изменится эта картина во время ливня или в период дождей! Поток превращается в бешеного титана, с диким ревом несущегося по крутому, загроможденному камнями руслу, и своею неодолимою силою сокрушающего все преграды и препятствия; под страшным напором массы воды, стесненной в узких берегах, срываются целые скалы, вырываются с корнями громадные деревья, и все это несется с неуправимою быстротою, оглушительным шумом и треском вниз, все более и более разрушая берега, пока не вырвется

на свободу, в широкий, низменный разлив или прямо в Кодор. Незавидно положение путника, застигнутого здесь весенними, тропическими дождями!

Через более значительные и в бездорожье трудно проходимые потоки перекинута хорошие деревянные мосты из цельных дубовых брусьев с настилкою полотна из дубовых же или каштановых досок толщиной 1,5-2 вершка.

В мой проезд мосты эти строились, и я несказанно был обрадован, когда, проезжая к первому широкому потоку, среди шума и плеска воды услышал стук топора и человеческие голоса. Значит мы не одни в этом чудном, но глухом ущелье! Если бы даже мы и не добрались в этот день до лагеря землемера, то опасаться бесприютности на ночь нам уже не приходилось – ночлег мы могли найти у любого моста, которых, по словам рабочих, было несколько и ночлег довольно удобный, так как почти возле каждого моста построен сторожевой каменный домик под железной крышей с окнами, дверьми и даже печами или каминами. Отбросив теперь всякие опасения, мы бодро продолжали свой путь.

Горы, образующие Дальское ущелье, иногда отходят от реки, и долина расширяется, представляя в этих местах низменные поляны, густо поросшие ольшанником, орешником и др. мелким лесом в болотистых, заливных частях и сплошь покрытые фруктовыми деревьями на недоступных разливу местах. На таких полянах попадаются целые рощи исключительно из ореховых деревьев. Но большей части эти красивые, развесистые деревья громадных размеров встречаются отдельными купами среди других фруктовых деревьев – яблонь, груш, слив, айвы и пр.

Все эти фруктовые деревья перевиты виноградными лозами, по толщине своей иногда превосходящими сами деревья, вокруг которых они обвиваются. На некоторых полянах, террасами расположенных по склону гор, попадают то там, то сям группы кустарника, по-видимому, выросшего на куче мусора и развалин от заброшенных абхазцами жилищ со времени выселения их.

Более явных следов жилья коренных жителей Дальского ущелья, по которым можно было бы судить о характере построек, несмотря на все старания, мне не пришлось видеть нигде в целом ущелье; как будто дома были скрыты до основания навсегда покинутыми их обитателями! Объяснили мне это явление тем, что каменных построек у абхазцев не существовало, а строили они свои дома из плетня, обмазанного глиною. Только в участке г. Сараджева, бли-

жайшем к перевалу через Кавказский хребет, до сих пор стоит хорошо сохранившийся и заброшенный каменный дом (сакля) с уцелевшими дубовыми дверями и оконными рамами. На таких же возвышенных полянах обыкновенно попадались нам и совершенно чистые луговины, теперь покрытые роскошною травой и цветами, а когда-то, очевидно, служившие пашнями.

Не могу не обмолвиться несколькими словами о чудном каштановом лесе, попавшемся нам на пути, недалеко от урочища Латы. Стройные высокие деревья, слабо пропускающие через свою густую листву свет, правильно и не особенно часто покрывают собою значительную площадку на одном из отрогов и прилегающие к нему овраги. Казалось, этот лес насажен и оберегается заботливою рукою человека; в нем нет тех зарослей, которыми отличаются здешние леса вообще; по нему можно также свободно ходить, как по старательно расчищенному парку; только изредка попадаются между стройными гигантами чахлые деревца других пород. Плоды этих каштанов, хотя и диких, довольно крупны и очень вкусны.

Еще 1/2 часа пути и из темного леса мы выбрались на большую поляну; в самом начале, у выхода на нее глубокого ущелья с многоводным чистым ручьем, влево от дороги, виднеется несколько деревянных построек – это поселок Латы.

Весь поселок состоит из трех дворов, принадлежащих трем братьям – сыновьям отуземившегося русского солдата, попавшего к абхазцам в плен еще при первом появлении наших войск в Абхазии. Не желая сопутствовать в выселении в Турцию своим новым, невольным соплеменникам, с которыми пленник еще задолго до водворения русских в Абхазии был связан родственными узами, женившись сам на абхазке, а потом, женив и сыновей своих также на туземках, со всею своею семьей он остался в опустевшем Дале, сделавшись таким образом хозяином чуть ли не всего ущелья. Этот интересный старик умер лет пять тому назад, имея от роду 103 года. Ему очень хотелось, чтобы, если не сыновья, теперь тоже старики, то хоть внуки его были православными, но исполнить волю отца эти люди, сами по крови наполовину, а по жизни совсем мусульмане, могли только отчасти: сын старшего из братьев, мальчик лет 10-12, был окрещен еще при жизни деда, во время случайной их поездки в Сухум, остальные дети – не крещенные. Странно было слышать, когда отец, отдавая детям разные поручения, сына называл Васькой, а дочь – девочку лет 8-ми – Фатьмой; ни тот, ни другая по-русски не

понимают ни слова, да и сам отец мог объясниться со мною с большим трудом.

Никем не тревожимые эти уединенные поселенцы обзавелись хорошим хозяйством, беспрепятственно пользуясь, до появления там землемера, таким количеством земли, какое в силах были обработать. Но теперь, с размежеванием ущелья на участки, владения их ограничались наделом в 10 десятин на каждый двор.

Дома их имеют вид русских изб, сбитых из теса, с крылечками, сенцами, клетями и пр. Перед каждым домом имеется обширный огороженный двор, в глубине двора размещены все жилые и хозяйственные постройки.

Непосредственно к заборам примыкают небольшие, но тщательно содерживаемые, а также огороженные пахотные и покосные поля, которые узкой полосой тянутся по долине у самого подножия красивых и лесистых гор, составляющих собственность, кажется, священника Мачавариани⁶³. В этом поселке нам сказали, что в инженерном или постовом домике, построенном верстах в 2-х или 3-х дальше, мы, наверное, добудем желаемые сведения о землемере, а также кое-что и перекусить; в отдыхе мы, действительно, нуждались, пятичасовая безостановочная езда в азиатском седле страшно разломила все мои члены, да и лошади притомились.

В сторожке мы, действительно, нашли не только сторожа, с уверенностью сообщившего, что землемер работает в верстах 10-ти и любезно предложившего закусить – яиц, молока и даже шашлыка, но и целую компанию каких-то людей-туземцев, весело пирующих в тени навеса во дворе.

В ожидании заказанного шашлыка и чтобы размять затекшие ноги, я направился тут же, к не遠далеке несущемуся Кодору. На самом берегу его, в нескольких десятках сажений от сторожки, стоит большое заброшенное здание – казарма когда-то расположенной здесь части линейного батальона. Вскоре после выселения из Дала коренных жителей, это опустевшее ущелье, с бесчисленными разветвлениями в обе стороны, служило пристанищем безнаказанно укрывающимся сюда разбойничьим шайкам. Для пресечения этого зла, чтобы преградить хищникам дорогу и лишить их возможности ютиться в здешних трущобах и отсюда устраивать набеги на береговую Абхазию и Мингрелию, в Цебельдинском укреплении, в Латах и дальше, в урочище Чхалта, были расставлены войсковые команды.

Тут же возле казармы стоит одинокая могила одного из членов владетельного дома Абхазии – князя Шервашидзе. На памятнике из двух мраморных плит, – из которых одна лежит на могиле, а другая поставлена перпендикулярно к первой в головах – сделана соответствующая надпись на арабском языке, возвещающая путнику о военных и гражданских доблестях ныне мирно покоящегося князя.

Особенно хорош здесь Кодор. Несколько выше, где долина замыкается двумя, почти сходящимися с противоположных берегов отрогами, река делает крутой поворот и, пробившись через теснину, плавно, насколько это возможно для горной реки, разливается по широкому ложу.

Горы левого, противоположного берега в этом месте подступают к самой реке, прозрачные волны которой, точно заигрывая со склоненными над водою вековыми деревьями, обдают их брызгами и пеною. По скатам, террасами поднимающимся все выше и выше, и изрезанным множеством оврагов, густо поросших крупным лесом, виднеются значительно чаще, чем на правом берегу Кодора, поляны с темно-зелеными каштановыми рощами, а летом и весною, пестреющие массою полевых цветов. Мне говорили, что обилие фруктовых деревьев и цветов привлекло сюда несколько пасечников, единственных полуоседлых обитателей этих богатейших дебрей. Долго они сидели в этих лесах, никем не беспокоимые и, вероятно, привыкшие считать окружающие их дары природы своею неотъемлемою собственностью. Воображаю их недоумение и испуг, когда покой и одиночество их было нарушено неожиданным появлением землемера с целой командой рабочих, прорубающих просеки, ставящих курганы, вежи, флаги и пр., и объявивших этим бедным дикарям, что отныне те фрукты, которыми они питались, та зеленая роща, в которой ютились их убогие хижины и улья, тот мед, который собирали им их бесчисленные трудолюбивые помощники с душистых цветов, отныне принадлежит не им, а новым законным владельцам – кн. Джорджадзе и его соседям – гг. Чемберу и Запорожченко.

Вернувшись к месту нашего привала, я застал своего турка в хлопотах за приготовлением обильного завтрака на разостланных бурках, в тени развесистого тутового дерева, обвитого, точно гигантскою змеею, виноградною лозою. Обнадеженный сторожем, что нам предстоит проехать еще не более двух часов, я разрешил себе вдоволь покойфовать и только далеко за полдень, когда солнце сменило гнев на милость, перестало припекать, сытые, бодрые и весе-

лые мы двинулись дальше, отдохнувшие и погулявшие на сочной траве лошади бойко несли нас по ровной, прекрасной дороге.

Невдалеке от сторожки мы наткнулись на новую артель мастеровых, сооружающих мост через довольно значительный поток Аргунья,⁶⁴ вытекающего из узкого, глубокого ущелья, и в широком разливе, при впадении в Кодор, разбросавший и нагромоздивший массу камней, между которыми нам и пришлось лавировать с опасностью поломать лошадям ноги, так как мост не был еще настлан.

Почти тотчас за впадением Аргунья в Кодор большая Латская долина, как я сказал уже, сразу замыкается отделившимся от цепи гор отрогом, на который и взбирается дорога, вновь углубляясь в тенистый лес. За лесом опять долина, за долиной снова лес, овраги и т.д.; словом, характер ущелья остается один и тот же, с небольшим видоизменением, еще намного верст вверх по Кодору. Проехав одну из таких долин, верстах в 10-ти от Лат, мы поднялись на возвышенную равнину-террасу, поросшую мелким буковым лесом, с которой потянуло на нас своеобразным запахом самшита, из чего я предположил, что где-то вблизи должен быть скалистый овраг с пальмовым лесом, но я ошибся: немного дальше и я, и проводник мой, постоянно твердивший мне, что пальма растет в недоступных местах и потому по дороге мы ее больше не увидим, были одинаково удивлены, когда на той же равнине нам стали попадаться пальмовые кусты все чаще и чаще и, наконец, мы очутились среди исключительно пальмового кустарника, когда-то, судя по видневшимся пням, густого пальмового леса. Такое изобилие пальмы здесь, на ровном месте, дает основание предположению, что выше к горам, в узком ущелье, из которого вытекает вскоре встреченный нами горный поток, ее должно быть еще больше.

Через этот поток также строился мост, причем рабочие, чтобы не утруждать себя поисками более подходящего горючего материала для своих нужд, безжалостно рубили и жгли тут же, под рукою растущую несчастную пальму.

От Лат мы проехали уже более 15-ти верст, а признаков близкого расположения лагеря землемера нам все не попадалось, и что страннее всего – работавшие на только проеханном мосту люди не могли дать нам решительно никаких сведений о нем, как будто никогда и не слышали, что где-то недалеко от них раскинулся целый табор рабочих землемера. Всего за день мы проехали уже более 50-ти верст, и лошади стали заметно приставать, да и сами мы, несмотря на роздых в Латах, преизрядно порастраяслись и устали. К тому же и солн-

це вот-вот спрячется за горы. Пора бы было и отдохнуть, а об ожидаемом лагере ни слуху, ни духу! Почти полное неведение о нем рабочих у последнего моста уничтожило во мне бодрое настроение духа, и я, потеряв терпение и надежду достичь намеченной цели в этот день, с досадою решил ехать дальше только до захода солнца, и объявил своему спутнику, что если до того не встретим лагеря или еще нового моста со сторожкой, то заночуем в поле. Решение это, по-видимому, пришлось не по вкусу моему турку и он, желая, во что бы то ни стало уклониться от такого, по его мнению, небезопасного и для нас, и для лошадей ночлега, стал усердно подгонять выбивающихся из сил лошадей. Об окружающей природе, о воздухе, пропитанном вечерними испарениями душистых цветов и растений, располагающих к неге, к отдыху, о фруктах, по-прежнему в изобилии попадавшихся на пути, которыми бы мы могли освежить свои пересохшие горла – некогда было думать; ничего этого теперь для нас не существовало. Скорей вперед, вперед к лагерю!

Каково же было наше удивление и радость, когда, выехав неожиданно из-за бугра к берегу довольно значительной реки Чхалты, встреченные нами мастеровые, заготовливавшие материал для моста через нее, сообщили, что мы проехали уже лагерь, что он разбит с версту не доезжая до Чхалты, на только что объеханном нами бугре.

Внимательный староста рабочей артели дал нам проводника, который, свернув с дороги на едва заметную тропинку, вьющуюся по крутому косоугору среди кустарника, вывел нас на поляну, где мы и увидели столь желанный лагерь и прохаживающегося перед палаткою землемера Т-ва.

Лучшего места для лагеря нельзя было выбрать. Большая, чистая от порослей поляна, образующая террасу на слабом склоне отрога, который мы объехали низом, пересекается неглубоким оврагом, по дну которого течет ручей с прекрасной родниковой водой. На поляне разбросаны отдельные фруктовые деревья, конечно, с обвивающими их лозами винограда; к приезду моему, несмотря на обильный урожай, о фруктах из этого случайного сада осталось одно лишь воспоминание: желудки подчас голодавших рабочих поглотили и уничтожили как саранча все, что было можно.

Этот лагерь – стан состояли из нескольких шалашей из веток и травы для рабочих и одной палатки для землемера. И шалаша, и палатки размещались непременно под сенью развесистых деревьев, густая листва которых предохраняла их от солнца и дождя.

А.И. Т-ва застал я гуляющим возле палатки, очевидно, страшно скучающим и, судя по осунувшемуся лицу, больным. Завидя меня, он оживился, обрадовался. Еще бы! В течение 3-4 месяцев он жил в этих тущобах буквально оторванный от всего мира, обреченный на молчание, голодание и ежедневные многоверстовые прогулки по горам, лесам, скалам, болотам и пр. кроме абхазцев-рабочих, ни слова не понимающих по-русски, при нем был только один всадник-стражник, изображавший из себя телохранителя, переводчика, повара, лакея и собеседника. Положение более чем незавидное, особенно в ненастные, дождливые дни, или еще хуже, во время болезни, когда поневоле прекращались работы, и приходилось сидеть в палатке. Много надо иметь мужества и энергии, чтобы вынести такую жизнь в течение нескольких месяцев. А если прибавить к этому еще и чисто материальные лишения, от которых трудно было уберечься даже при правильной организации доставки продовольствия в эту глушь из Сухума, за 90 верст, то остается только удивляться и преклоняться перед людьми, службою обязанными нести такой тяжелый труд. Продовольствие и всякие запасы доставлялись сюда как для самого Т-ва, так и для рабочих несколькими чардоварскими лошадьми, от времени до времени присылаемыми в Сухум. И нередко случалось, что чардовары, задержанные в городе поставщиком, или в пути дождями, распутицей, или по другим причинам, возвращались неделю, а иногда и более позже, чем предполагалось, и весь лагерь должен был в ожидании их питаться «диким медом и акридами». Почти в таком положении голодовки я застал лагерь. Чардоваров ждали с неделю и первый вопрос, которым нас встретили, был «не обогнали ли мы их»; запасы истощились настолько, что, например, муку выдавал рабочим сам Т-ов горсточками, чтобы как-нибудь растянуть скудный запас и не оставить людей совершенно без хлеба, последствием чего вышло бы, что рабочие разбежались бы и вершитель дел, г. Т-ов, остался бы как рак на мели, что и случилось с ним в начале лета, когда по рекомендации одного из поверенных новых землевладельцев в Далах, сухумского обывателя, он набрал артель рабочих из пришлых мингрельцев, менее выносливых и терпеливых, чем абхазцы, которые исключительно составляли теперь рабочую силу землемера. О них то я и скажу здесь несколько слов.

Во всей Цебельде, как я уже говорил, нет ни одного туземного селения и нанимать рабочих приходилось или в Сухуме, или же из других участков при посредстве пастухов, загоняющих на привольные, пустующие земли Дальского ущелья свои стада из населенных

мест Абхазии. Приходили наниматься преимущественно молодые люди. Несмотря на то, что работать приходится исключительно в лесу, в горах, на болотах, под открытым небом, головных уборов почти не носят и в дождь и в припек ходят с открытыми головами. У весьма немногих, вероятно, менее бедных, за плечами башлык из грубого туземного сукна... Среднего роста, сухопарые, жилистые, очень живые в движениях, хорошие ходоки по горам и неутомимые в физическом труде, они почти никогда не теряют бодрости, веселости, оживления. Т-ов рассказывал, что после крайне изнурительной дневной работы, как прорубка просек, постанка межевых курганов, вех, флагов и почти непрерывного лазания по скалистым крутизнам, деревьям, возвратившись в лагерь, они нередко устраивали пляски с песнями. И то и другое выходит у них чрезвычайно оригинально и очень интересно. В один из вечеров они устроили для меня концерт с танцами, который я прослушал, не скажу с удовольствием, но с большим интересом, удивляясь пению, и еще более – пляске этих детей природы.

Обыкновенно нанимались они на работу со своим инструментом, состоявшим из цалды и крошечного топорика. Пилами и большими русскими топорами, предлагавшимся им для рубки больших деревьев, они пренебрегали и отлично обходятся своими орудиями: цалдами расчищают дорогу от кустарника, порослей, лиан и веток как нельзя лучше; за абхазцем, вооруженным цалдою, можно пройти без труда, как по коридору, среди непроходимой чащи; своими же «томагавками» они чрезвычайно быстро и искусно сваливают громадные, вековые деревья. Лучших рабочих для своих работ Т-ов не мог найти и он, действительно, не нахвалится ими. К тому же они не требовательны, терпеливы в лишениях, от которых, по условию при найме, они должны быть обеспечены заботами нанимателя. Вместо денег при расчете безропотно принимали расписки с обещанием выдачи по ним денег по окончании работ в Сухуме – это за 90 верст от места работы и, может быть, за столько же, если не больше, верст от Сухума до их селений! В честности их также трудно усомниться, судя по тому, что у Т-ва, ничем и никем не обеспеченного не только от воровства, но и от открытого насилия, грабежа, за время его странствований, никогда ничего не пропало.

Абхазцы, как кровные сыны вековых лесов и трущоб, также и бесстрашные охотники. Он один с застарелою, едва ли куда годною одностволкою, смело идет на царя этих лесов – бурого медведя, о более солидной величине которого я имел возможность судить по

шкурам, развешанным в лагере на деревьях. Они очень услужливы, преданы и, по-видимому, очень заботятся о целостности и безопасности своего патрона – временного хозяина. Как-то раз, прокладывая границу какого-то участка, Т-нов со своими рабочими-абхазцами должен был перейти маленькую болотистую полянку, поросшую густой травой. Шедший в нескольких шагах перед ним рабочий-цапдник, дойдя до середины полянки, вдруг с страшным отчаянным криком бросился вперед на возвышенность. Не понимая знаков и возгласов передового, Т-нов в недоумении остановился и через несколько мгновений очутился среди стада змей, судя по описанию, гадюк. Положение критическое! Шедшие сзади абхазцы не растерялись и, увидев, в какой опасности находится их «начальник», быстро подбежали к нему и на руках вынесли его на противоположный, возвышенный берег полянки, подвергая себя страшному риску быть ужаленными пресмыкающимися, тем более что все эти смельчаки были босы.

Приезд наш несколько взволновал лагерь; Т-нов, как я уже сказал, очень обрадовался появлению живого человека, которого он к тому же с нетерпением поджидал, так как денежные ресурсы его поиссякли, и я должен был их пополнить. Рабочие, бывшие в этот день все в сборе, с любопытством окружили нас, суетясь, желая предупредительно помочь мне, – кто слезть с лошади, кто приготовить сиденье, видя, что ноги мои подкашиваются, кто разоблачить от обременяющих меня доспехов и пр. Но больше всех, я думаю, были довольны я и мой спутник! Так ощутительна была для нас потребность в продолжительном отдыхе.

Прежде всего, как водится, нам был предложен готовый чай и этот живительный напиток, приправленный имеющимся у меня неизменным спутником всяких путешественников – коньяком, скоро подбодрил меня настолько, что затем, даже долго за наступившею темнотою и незаметно опустившеюся тихою, прелестною ночью, мы беседовали, взаимно задавая и отвечая на интересовавшие нас вопросы.

Места в палатке не оказалось, так как кроме кровати Т-ва она вся была заставлена ящиками с инструментами, палками, разными припасами, боящимися сырости и ночной влаги больше меня, а потом во время чаепития мне соорудили из брусьев и веток кровать под открытым небом, которую, на случай дождя, прикрыли случившимся брезентом и целым лесом душистых, свежих веток и травы.

Впечатления дня, не совсем обыкновенная обстановка ночлега, отдаленный, бесперывный шум, доносившийся среди мертвой тишины ночи со стороны Кодора, фыркание уставших лошадей, тут же пасшихся и побрякивавших железными путами, несмотря на страшную физическую усталость, долго не давали мне забыть, сомкнуть глаз, и я с завистью прислушивался к мерно разносившемуся кругом храпу спящих рабочих.

Старательно ознакомившись с планами участков родственника моего и нескольких знакомых лиц, также получивших в Далах наделы и просивших меня заодно заместить и их при приеме участков, мне, конечно, было интересно осмотреть самые участки на месте. Когда Т-ов достаточно оправился от нездоровья, а я вдоволь отдохнул, ранним утром восхитительного осеннего дня сели мы на коней и в сопровождении переводчика моего – турка и еще одного конного рабочего выехали из лагеря с намерением проехать в самый обширный и самый отдаленный участок г. Сараджева и попутно осмотреть участок моего родственника и г. Кеценко; остальные участки, расположенные значительно ниже по Кодору, я предполагал осмотреть на обратном пути, предварительно ознакомившись с местоположением по планам.

Подъехав к мосту через Чхалту – значительный приток Кодора, вытекающий из тесного, дикого ущелья, по которому еще в пятидесятых годах проводились исследования пути к удобному перевалу через Главный Кавказский хребет, мы были задержаны переправой шедшей к нам навстречу, вероятно, из Карачая, баранты. Для постройки нового инженерного моста в то время только заготавливали материал, и сообщение с противоположным берегом производилось по старому туземному мосту из виноградных лоз, висящему и качающемуся над бурным и глубоким потоком, точно перекинутый через реку сплетенный из хвороста гамак. Обезумевшие от страха животные, силою загнанные на этот живой мост, до середины его, столпились тесною массою и, несмотря ни на какие понукания и крики пастухов, ни за что не хотели двинуться дальше по сильно качавшемуся и провисшему к середине от значительной тяжести мосту. Очистить мост от этой преградившей его живой стены удалось только после больших усилий рабочих, прибежавших на наш зов из лагеря, которые поодиночке стаскивали на нашу сторону блеющих и упирающихся баранов. Переправились мы через этот мост, само собою, пешком, немало повозившись с лошадьми, кото-

рые также дрожали и хрипели, чувствуя под ногами живую, колеблющуюся настилку моста.

Тотчас за мостом, приютившись под скалою, стоит такой же, как и раньше встреченные нами, сторожевой домик.

Отсюда дорога идет некоторое время у подножья скалистой горы, тем не менее покрытой крупным лесом, по преимуществу дубом. Я был просто поражен, глядя на этих великанов, корни которых вылезали наружу и стелятся прямо на каменных плитах скалы, едва прикрытых гнилыми листьями, мхом и валежником; чем и как они держатся и, мало того, питаются и растут, – я положительно недоумевал! Справа от дороги, немного ниже ее, лежит каменная болотистая долина, поросшая крупным кустарником, ольшаником; вероятно, во время половодья эта долина заливается водою. Часть долины и гора с дубами, растущими чуть ли не на воздухе, омываемые с одной стороны Кодором, а с другой Чхалтою, принадлежит к владениям г. Фогель.

Почти против впадения в Кодор р. Чхалты с противоположной стороны под острым углом низвергается в Кодор также довольно большая горная река – поток Брамба, вытекающая из дикого, мрачного и страшного скалистого ущелья. Это ущелье разрывает собою длинную цепь красивых гор левого берега Кодора, как бы служа границею характерного отличия природы гор, идущих от нее вниз по реке, от гор, поднимающихся вверх по р.Кодор и соединяющихся истоков его с Главным Кавказским хребтом. Эти последние горы действительно, резко отличаются от первых: они значительно выше, круче, скалистее и, начиная непосредственно от Брамбы, богатый лиственный лес, сначала только на вершинах, а затем и по всему почти склону их уступает место хвойному мачтовому лесу, на который, а я слышал в Сухуме, с особенностью точат зубы и местные, и заезжие лесопромышленники.

На участке г. Иванова, составляющем преддверие новой, более суровой природы ущелья, и занимающем конец новой цепи гор, мысом вдающийся в угол слияния Брамбы с Кодором, еловый лес впервые появляется и темною полоскою на вершине горы отделяется от ниже растущего лиственного; а уже на соседнем участке г. Гагемейстера и еще более в участке г. Сараджева еловый лес занимает совсем первенствующее место по склонам, обращенным к Кодору. Поляны встречаются и здесь, но много реже и располагается уже не по отлогим склонам гор, а по случайно выдвинувшимся террасам. Словом – природа заметно хмурится: нежный, мягкий колорит ее в

нижней части Дальского ущелья принимает здесь более суровый, мрачный, но зато и более величественный оттенок. Здесь все громадно – горы, скалы, ущелья, леса. Скалы и обрывы ущелья р. Брамбы еще издали обращают внимание своею недоступностью, дикостью и грандиозностью. Мне говорили, что в глубине этого ущелья сохранился богатейший пальмовый лес.

Правый же берег Кодора, где проложена дорога, как бы желая смягчить резкость перемены в природе ущелья, не только сохраняет свой прежний вид, но, напротив, тотчас за р. Чхалтою значительно понижается своими горами, которые, отступая от Кодора на некоторое отдаление, образуют довольно широкую, прелестную долину, изредка пересекаемую дерзко вырывающимся из цепи гор отрогами, и потом уже почти незаметно сливаются с голыми склонами главного хребта. Но заботливый, добрый дух Дальского ущелья не смог во всем противостоять великим силам природы! Здесь, как и на левом берегу, флора беднеет в своем разнообразии, хотя до конца оставляет за собою право драпироваться в красивую лиственную одежду, не желая менять ее на колючие хвои; на этом берегу вовсе почти не видно хвойных пород леса. В несмолкаемых разговорах медленно поднимались мы вперед, останавливаясь, где надо для определения мест и знаков, показанных на планах, и неожиданно для меня очутились на громадной поляне, по которой поперечными полосами проходят владения казны, г. Зеленого, г. Кеценко и еще кого-то. Судя по отдельным группам кустарника, выросшего, очевидно, на мусоре развалин, по нескольким уцелевшим фруктовым деревьям и по большому, совершенно чистому от растительности, луговину, надо полагать, что на этой поляне когда-то стояло большое селение. Следы оросительных канав, изрезывающих и по сию пору долину в разных направлениях, не оставляют сомнения в высказанном предположении, которое, к сожалению, никто из рабочих-абхазцев не мог подтвердить, вероятно, потому, что все они люди молодые и едва ли видели Далу в цветущее его время. В участке г. Зеленого, на той же поляне, близ самой дороги, нам попались два казака, собирающие орехи и еще какие-то фрукты. Такая встреча немало удивила меня; объяснялась же она тем, что тут же, недалеко, расположился лагерь офицер-топограф со своим конвоем, работающий на соседних горах.

Долго ехали мы по этой поляне, любуясь открытыми видами на темные крутые горы левого и на ярко-зеленые горы правого берега Кодора. На фоне сплошной зелени этих гор, то там, то сям, на более

выдающихся местах виднелись развивающиеся белые и красные флаги, вежи с навязанными на концы их пучками сухой травы – это межевые знаки, предварительно поставленные Т-вым для облегчения последующих, окончательных работ по проведению границ между участками. Прямо перед нами, казалось, вот-вот, рукой подать, высились голые, серые великаны главного хребта, тесно связанные непрерывною цепью; на вершинах и в глубоких расщелинах их белел не успевший за лето растаять залежавшийся снег.

По мере приближения нашего к восточной окраине долины, замыкавшейся, как и везде по ущелью, высоким, сравнительно лесистым отрогом, который, подойдя к Кодору, спадает в него отвесным обрывом, горизонт наш все суживался, и, когда мы стали подниматься по косоугру бугра, то снова очутились среди мрачного, безмолвного леса. Недолго, впрочем, окутывал нас полумрак лесной чащи. Лишь только перевалили мы через отрог, как сквозь поредевшие деревья блеснула сначала одна, а потом и другая полоса воды, а еще немного дальше нашим глазам открылась широкая долина в форме треугольника, с двух сторон которой катились быстрые горные потоки Гвандра и Секен. При слиянии эти речки образуют Кодор. Итак, мы у истоков этой большой, многоводной реки. Дальше, разветвляясь на две самостоятельные реки, Кодор перестает существовать, а вместе с ним и Дальское ущелье, так как с разветвлением реки разделилось и ущелье: одна ветвь его уходит по реке Сакену вправо от нас, а другая сопровождает нас, следуя за нами по течению р. Гвандры. Исчез Кодор, исчезли сады, и настало исключительно мрачное, лесное царство с мощным, великолепным дубом во главе! Кругом лес, лес и лес девственный, величественный, поражающий размерами своих деревьев: попавшийся по дороге дуб и из любопытства измеренный мною, имел в объёме 7 аршин; дальше вглубь леса, в горах, как говорили рабочие, деревья еще крупнее. Все видневшееся кругом лесное пространство, лежащее по обоим берегам Гвандры и Секена и между ними составляет собственность г. Сараджева. Громадные богатства, но глубоко зарыты! Когда-то доберется до них владетель?

Долина, омываемая Гвандрою и Секеном, представляет низменность, густо поросшую ольхою, орешником и другим мелкорослым лесом, переплетенным лианами, что делает ее трудно проходимой. Но, судя по тому, что именно в этой долине уцелел единственный во всем Дальском ущелье хорошо сохранившийся каменный домик, надо думать, что и все эти поросли позднейшего происхождения,

что поляна во время оно была чиста и служила абхазцам если не для садов и пашен, то для покосов, загонов и др. хозяйственных потребностей. Тотчас за поляною, между расходящимися все более и более реками, сначала круто, точно стеною, ограждающею ее от холодных ветров, с ближних снеговых гор, а потом – все отложе и отложе поднимается лесистый отрог главного хребта, с которым она постепенно и сливается, сняв свою чудную зеленую одежду.

Не странно ли, что вся эта местность между реками Гвандрою и Секеном вглуби Кавказских гор, почти у главной их артерии, носит чисто итальянское название «Фафиосарто»? Кто дал его, и как оно сохранилось до наших дней, не утратив своей характерной звучности, тогда как смежные местности – противоположные берега рек – носят уже туземные названия, за Гвандрою – Аланда, за Секеном – Адзыубжа-Чара? Обе последние местности чрезвычайно гористы и круты, особенно Адзыубжа-Чара. Но между ними, как и раньше между берегами Кодора, замечается существенное различие: горы левого берега Секена, помимо страшной крутизны, очень скалисты, значительно выше и сплошь покрыты хвойным лесом; горы же правого берега Гвандры только круто обрываются в реку, выше же он имеет сравнительно незначительное падение и на них попадаются ровные места поляны; в довершение различия они одеты исключительно лиственным лесом. Дальнейшая дорога к перевалу через главный хребет в Карачай и дальше, в Кубанскую область, идет от подножья этих последних гор, по самому берегу (правому) Гвандры, в красивом, узком ущелье. Верстах в 5-ти – 6-ти от слияния обеих рек, питающих собой Кодор, при переправе через Гвандру, стоит кажется последний с этой стороны сторожевой домик под названием «Клыч»; от него до самого перевала остается только 20 верст. При всем желании добраться до перевала, и издали взглянуть на Кубанскую область с одной стороны и на Черное море с другой, мне это не удалось, и я, к большому для меня огорчению, должен был оборвать свою поездку по Сухумо-Кубанской тропе, не доезжая каких-нибудь 20-25 верст до наиболее интересного участка ее, Нахарского перевала на высоте 9617 ф. над уровнем моря, служащего водоразделом реки Кодора – через приток его Гвандру и Кубани – через приток ее Уч-Кулан. Утешал себя я тем, что высшей точки перевала мне все равно не удалось бы достичь, так как еще в Сухуме мне говорили, что дорога через самый перевал не была тогда еще разделана вследствие встреченных неодолимых затруднений: порода скал, в которых надо было пробить дорогу, оказалось до того плот-

ною и твердою, что не только железные орудия, употребленные при работах, но и порох оказались бессильны в борьбе с нею.

Жалко было расставаться и с девственною, очаровательною природою чудного Дальского ущелья; когда-то оно оживится, закипит человеческою, деятельною жизнью, пробудится от оковавшего его мертвого сна?.. Служба и неотложные семейные дела не ждали, и приходилось торопиться обратно в душный, несносный Тифлис. Покончив нужные дела, через несколько дней я простился с г. Т. и пустился в обратный путь по знакомой, хорошо изученной дороге. Выехал я из Дала и потом совсем из Цебельды, как оказалось, как раз вовремя. Неделю спустя стоявшая все время моего путешествия чудная, теплая погода изменилась: пошли дожди, настали холода, посыпал снег и дальнейшее пребывание в Далах было бы и бесполезно и опасно для здоровья, а потому вскоре вслед за мной вернулся в Сухум и Т-кэв, распустив по домам свою рабочую команду.

В заключение прошу у читателя еще несколько терпения и позволения сделать с ним маленькую экскурсию в область экономического значения Цебельды вообще и Дальского ущелья в особенности.

Еще в пятидесятых годах, в то именно время, когда Абхазия особенно привлекала на себя внимание и правительства, и частных лиц, один из исследователей этого края говорил: «Абхазия – один из прекраснейших уголков Закавказья! Чем не наделена она от природы? Любитель картин природы на каждом шагу будет тешить свой взор; у сельского хозяина, посвященного в таинства сего быта, разбегутся глаза при виде разнообразных источников к благосостоянию; минеролог и даже археолог не без пользы может постучать с молотком в абхазские горы и опустить заступ в приморские равнины. Для всех знаний и для всякого труда найдется здесь обильная и полезная пища. Но – грустно сказать – этот прекрасный уголок, освещаемый южным благодатным солнцем и освежаемый изобильными потоками, морем и близостью снежных гор, в настоящее время, в строгом смысле, ничто другое, как прекрасная картина, созданная великим живописцем – природою. Человек не позаботился еще оставить на фоне этой картины ни капли трудового пота: он здесь дитя природы и собирает на потребу себе только приготовленное самою ею!»

По отношению к Дальскому ущелью высказанный исследователем взгляд остается и теперь неизменным, с тою лишь разницею, что в течение последних 20-ти с лишком лет, в Далах не было даже

и «детей природы», которые бы пользовались дарами его и потому оно еще более подходит под сравнение с картиной. Но постараюсь дополнить эту картину некоторыми подробностями, которые, быть может, послужат на пользу оригиналу и возбудят в ком-нибудь желание оживить ее.

Климат во всей Цебельде умеренный и здоровый, если исключить редкие низменные и болотистые места. Хотя зимой и выпадают снега иногда очень глубокие, как в зиму 1887 года, покрывающие толстою белою пеленою и горы, и долины, и поля, и леса, но больших морозов там не бывает, доказательством чего служит то, что в северо-западной части Цебельды культурные, а в Далах дикие виноградные лозы не замерзают, оставаясь всю зиму без прикрытия.

Вся долина Кодора может считаться лучшею и удобнейшею частью Цебельды для заселения, но, конечно, не русскими переселенцами, которым после родных степей нужны простор, гладь, равнины, – они не выживут здесь и, несмотря на богатейшие дары природы, задохнутся в этом узком ущелье. Здесь нужны туземцы, хотя бы мингрельцы или имеретины, которые к тому же, как, например, жители Рачинского уезда, так нуждаются в земле. Правда, хлебопашество не может иметь развития в Цебельде, и тем более в Далах, вследствие естественных топографических условий края – по недостатку совершенно чистых, годных для пашни, мест. Но зато многие другие отрасли сельского хозяйства, наиболее подходящие к условиям местности, почвы и климата, могут иметь в этом благодатном крае широкое развитие и несомненный, положительный успех, а именно: садоводство, виноделие, табаководство, пчеловодство, скотоводство и др. Для получения желательных результатов в этих отраслях хозяйства селянину не придется особенно и трудиться: почти вся Цебельда в своих долинах, годных для поселений, покрыта одичавшими фруктовыми деревьями разных пород, остается употребить лишь небольшое усилие для сгруппировки и приведения их в культурный вид, – и сады готовы.

Пчеловодство при изобилии и разнообразии плодовых деревьев и полевых цветов, с затратою самого незначительного количества труда и денег должно дать пчеловоду большие выгоды. Подтверждением этого вывода могут служить опыты разведения пчел в плоскогорной Цебельде, в имениях гг. Рейнгардта, Питушинского, Вороной и др., где через год из каждого улья получалось 4-5 и даже 6 колод, а каждая колода дает на срез до пуда меду и немного менее воску!

О результатах произведенных г. Рейнгардтом опытов разведения табаку я имел уже случай упомянуть выше; нет основания сомневаться, что такие же, если не лучшие результаты получил табаковод и в Далах, где воды гораздо больше, чем в высокогорной Цебельде.

Встречающиеся в диком виде тутовые деревья наводят на предположение, что здесь когда-то занимались и шелководством, какой промысел, следовательно, может быть и восстановлен.

Кодор, как и все вообще реки Абхазии, изобилует форелью и лось-форелью, улов которой если не может служить для населения, за отсутствием сбыта, промыслом, то, во всяком случае, пополнит его стол, его домашнее хозяйство, так же, как и крупная дичь, изобилующая в окрестных лесах.

Кроме того, во многих местах Цебельды, еще в давние времена обнаружены были многие ископаемые минеральные богатства – медная, железная и свинцовая руда, которые, Бог знает сколько времени, не трогались, и теперь покоятся в недрах земли в ожидании предпринимателей-капиталистов, к которым, конечно, не могли быть отнесены бывшие хозяева этих богатств...

Но само главное значение в промысловом хозяйстве Дальского ущелья имеет, конечно, лес, как готовый отпускной продукт. Дубы, буки, липы, каштаны, орехи, ели, пальма привлекают на себя взоры и русских, и иностранных лесопромышленников с каждым годом все более и более. Многие из них пробрались уже вглубь Дала для ознакомления с породами леса и для изыскания способов вывоза. Но все, или почти все они, возвращались оттуда, покачивая головами и говоря, что лес очень хорош, что и говорить, да «зелен»! И будет он «зелен» до тех пор, пока не разработается по всему ущелью хорошая шоссейная дорога, и не найдется солидная компания лесопромышленников, которая бы, тщательно исследовав Кодор, устранила те немногие, но серьезные преграды на нем, мешающие правильно и безопасному сплаву леса.

В разговоре с одним из братьев-поселенцев в Латах, на обратном своем пути, я коснулся вопроса о сплавоспособности Кодора, и тот мне сказал: «Не могу вам сказать наверно, можно ли по Кодору сплавлять лес теперь, – сам не пробовал и не видел этого, но знаю, – старики говорили – что когда-то, еще турки нами владели, по Кодору спускали в море не только бревна, но и каюки с кукурузой, фруктами и пальмой». Так неужели же нам, чадам XIX века, не проникнуть в тайны отцов «детей природы», как называл абхазцев цитированный мною выше исследователь Абхазии в 1854 году, и не вос-

пользоваться Кодором, как сплавную рекою? Пусть решают этот вопрос заинтересованные в нем люди, я же, заканчивая эту статью, от души желаю новым хозяевам края, людям интеллигентным, могущим оценить важность природных богатств края, как для себя – в материальном отношении, так и для самого края – в промышленном, культурном отношении, полного успеха во всех их предприятиях.

Вл. П-кий⁶⁵

*Газ. «Кавказ», 1892, №№99, 100, 111,
125, 126, 132 – 135*

Скотокрадство в Абхазии и Самурзакани

Скотокрадство нигде так не развито, как в Абхазии и Самурзакани. Здесь воруют у земледельцев не одних только лошадей, как это делается в Мингрелии и Имеретии, но и рабочий скот – буйволов и быков, – вот почему здешний крестьянин, абхазец и русский колонист, страдает от воровства несравненно более чем сельчанин в остальных частях Кутаисской губернии.

Одной из причин такого явления служит бытовая особенность крестьянина-абхазца. Последний, с пропажей у него скота, не идет на заработки, как это делает русский поселенец или мингрелец, если является нужда в деньгах на приобретение вновь скота. Абхазец считает за позор и унижение продавать свой труд другому, он считает естественным только работать на самого себя, на своей земле, а если помогает в работе помещику, так только в виде одолжения, не иначе как даром. Эти добрые нравы эксплуатируются некоторыми дворянами и усложняют донельзя меры по прекращению воровства. Обворованный абхазец-крестьянин, отказываясь идти в батраки, в силу уже необходимости вынужден воровством пополнять убыль в своем хозяйстве, и поэтому-то происходит поголовное хищничество, ведущее к очень печальным последствиям. Земледелие в их общинах имеет самые незначительные размеры, да и скотоводство тоже не в авантаже.

Нам известно, что в одной Самурзакани, с населением в 40 тысяч душ, на 7 тысяч дымов крестьянского сословия приходится 1400 дымов дворян. При таком громадном проценте привилегированного